

В. И. КЕЛЬСИЕВ—ГЕРЦЕНУ и ОГАРЕВУ

ПРИЛОЖЕНИЕ: ПИСЬМА ФИЛАРЕТА ЗАХАРОВИЧА

Публикация П. Г. Рындынского

Деятельность Василия Ивановича *Кельсиева* (1835—1872) протекала довольно долгое время в основном русле революционного движения. Поэтому изучение этой деятельности представляет несомненный научный интерес, несмотря на то, что впоследствии Кельсиев отрекся от революционных взглядов. В «Исповеди» — документе, созданном под арестом, для шефа жандармов *, Кельсиев всячески принижал свою агитационную работу, как плод незнания жизни народа, как результат различных более или менее «вздорных» — с точки зрения нового, «обращенного» Кельсиева — попыток поднять массы на восстание против самодержавия. В действительности же Кельсиев в 1860—1863 гг. принимал активное участие в революционной работе. Характер и объем этого участия до настоящего времени остаются не вполне ясными, главным образом потому, что сам Кельсиев, сделавшись ренегатом, в извращенном виде представил свою прежнюю деятельность — и в «Исповеди» и в последующих автобиографических произведениях, начиная с книги «Пережитое и передуманное» (СПб., 1868).

Сын бедного чиновника, Кельсиев в 1855 г. окончил Петербургское коммерческое училище и в том же году был зачислен студентом на только что открытый факультет восточных языков Петербургского университета. Одновременно Кельсиев поступил на службу в Российско-американскую компанию. В 1858 г. он, вместе со своей женой Варварой Тимофеевной, урожденной Шербаковой, отправился в длительную служебную командировку в один из городов Аляски. Из-за болезни жены ему пришлось задержаться в пути в английском городе Плимуте. В мае 1859 г. Кельсиев переехал в Лондон. Здесь он сблизился с Герценом и Огаревым. В ноябре того же 1859 г. Кельсиев заявил генеральному русскому консульству, что остается в Лондоне на положении политического эмигранта. Как показывал Кельсиев впоследствии, он, уезжая из России, уже был революционно настроен. И все же в решении Кельсиева остаться в Лондоне, несомненно, имелся и элемент случайности. Нечеткость его политических позиций, идейная незрелость, вероятно, являлись причиной того, что Герцен и Огарев, оба *не советовали* ему переходить на положение эмигранта («Пережитое и передуманное», стр. 311).

Высказывания, с одной стороны, Кельсиева, с другой—Герцена и Огарева, свидетельствуют о том, что между ними никогда не было полной идейной близости—ни когда Кельсиев жил в Лондоне, ни когда он поселился в Турции. Герцен постоянно отзывался о Кельсиеве в значительной степени критически. Обобщающую и, как всегда, поразительно яркую характеристику Кельсиева Герцен дал в специально посвященной ему главе «Былого и дум» (XIV, 400—410). Герцен писал там, что Кельсиев вошел в революционное движение искренне, со страстным сознанием «экономической неправды современного государственного строя» (XIV, 403), но это сознание не привело его к объективному постижению действительности; «...в скептическом ощущении Кельсиева сохранялась какая-то примесь мистических фантазий», — писал Герцен (XIV, 401). Влечение ко всему неясному, «таинственному» обусловило его

* «Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 265—442; далее обозначается: «Исповедь».

преимущественный интерес к историко-религиозным темам. Герцен отметил присущее Кельсиеву «темное стремление к социальным теориям» (XIV, 403).

Даже в тех областях знания, в которых Кельсиев считал себя специалистом, он, по существу, оставался дилетантом. Как писал Герцен, он «учился всему на свете и ничему не научился дотла, читал всякую всячину и надо всем ломал довольно бесплодно голову. От постоянной критики всего общепринятого Кельсиев раскачал в себе все нравственные понятия и не приобрел никакой нити поведения» (XIV, 401).

В Лондоне Кельсиев прожил до осени 1862 г. Здесь окончательно определилась область политической деятельности, которая влекла к себе Кельсиева в то время, когда он примыкал к революционному лагерю. Его занимало старообрядчество и другие вероучения, подвергавшиеся гонению и, несмотря на это, довольно широко распространенные в народной среде.

Вплотную вопросами старообрядчества и сектантства Кельсиев занялся после того, как получил от Герцена документальные о них материалы. «Раз вечером, — пишет Кельсиев, — отдавая мне на пересмотр разные бумаги, он (Герцен) вдруг остановился и сказал: „Да постойте, вы, богослов — как он меня в шутку называл с тех пор, как я принялся за библию * — просмотрите-ка заодно и документы о раскольниках. Они у меня давно валяются, прочесть я их все не соберусь, а мне говорили, что они очень интересны (<...> Посмотрите, может что и найдется извлечь из них для „Колокола“». И он вытащил мне огромнейший тюк рукописей, о котором он бы и не вспомнил, до сих пор, думаю, если б не шум, наделанный незадолго перед тем книгоу Щапова о расколе» («Исповедь», стр. 284—285). Этот рассказ правдив; Герцен в очерке «Кельсиев», вошедшем в «Былое и думы», пишет: «Мы (<...> передали ему кипу бумаг, полученных нами в разное время по части старообрядцев. За издание их и приведение в порядок Кельсиев принялся со страстью...» (XIV, 404). Действительно, начиная с 1860 г. и вплоть до конца 1862 г., в Лондоне вышли подряд четыре выпуска «Сборника правительственных сведений о раскольниках». Материалы «Сборника...» сохраняют до сих пор большое научно-исследовательское значение, но вводные статьи составителя (имеющиеся в первых трех выпусках), в которых выразилось понимание Кельсиевым общественно-исторического содержания преследуемых вероучений, лишены научной основы.

В понимании старообрядчества и оценке его как одной из разновидностей общественного движения Кельсиев разошелся с Герценом и Огаревым. Отношение Герцена и Огарева к старообрядчеству определялось их передовой идейной позицией — позицией материалистов-просветителей, Кельсиев же подходил к старообрядчеству с существенно иной точки зрения, без той последовательности и ясности, которыми отличались идейные руководители революционно-демократического движения. В противоположность Герцену и Огареву, усматривавшим в религиозной догматике старообрядцев лишь реакционное начало, вопреки этой правильной точке зрения, Кельсиев стал на скользкий путь иносказательного толкования религиозных догматов и поисков в них глубокого социально-революционного смысла. Это приводило его к совершенно фантастическим построениям. Недаром Герцен писал о нем: «Он был нигилист с религиозными приемами, нигилист в дяконовском стихаре» (XIV, 401). Безмерная идеализация религиозного движения и преувеличенные представления о «мощи» старообрядчества как общественной силы отчетливо проявились в упомянутых вводных статьях Кельсиева к материалам по истории старообрядчества, изданным в Лондоне. Раскол привержен, по словам Кельсиева, «очень чистым политическим началам», которые старообрядчество «надеется рано или поздно осуществить» (вып. I, стр. XXVIII). (Кельсиев при этом оговаривал, что он не имеет в виду некоторых сект, которые, по его словам, лишь «выродки раскола».) Идеализация религиозных движений с еще большей силой давала о себе знать во вводной статье ко второму выпуску. О сторонниках некоторых сект Кельсиев писал здесь, что они «совершенные республиканцы и даже социалисты» (вып. II, стр. VI). Он сильно преувеличивал силы старообряд-

* Кельсиев перевел под псевдонимом «Вадим» первые книги библии с древнееврейского на русский язык. Перевод издан Н. Трюбнером в 1860 г. — *Ред.*

цев, уверяя, что «черниговские старообрядцы раз уже чуть-чуть не опрокинули императорскую Россию и теперь, в другой раз, потрясают ее своим белокрыницким отцом Кириллом» (там же, стр. 6—7). Рассказывая о широте распространения старообрядчества, о крепких будто бы связях его приверженцев друг с другом и о якобы чрезвычайном могуществе заграничного центра старообрядчества «поповщинского» толка в Белой Кринице (на территории Буковины, находившейся тогда под владычеством Австрии), Кельсиев высказал мысли, которые определили его дальнейшие действия.

Вопреки многократным заявлениям Кельсиева, глубоких знаний о расколе у него не было, тщательного изучения раскола он не производил. Его наблюдения были поверхностны, крайне субъективны и, как заметил Герцен, окрашены в мистические тона. При всем том, нельзя не отметить, что интерес Кельсиева к изучению религиозно-общественных движений определялся, в первую очередь, его поисками широкой социальной опоры для развертывания революционной борьбы, страстным желанием найти революционные элементы в народе.

Укрепившись в мнении о возможности привлечения старообрядцев к революционному делу, Кельсиев весной 1862 г. (с начала марта по конец мая) нелегально, под именем турецкого купца Василия Яни, ездил в Россию. Цель поездки, по словам Герцена, состояла в том, чтобы «завести прочные связи с раскольниками» (XIV, 405). Но имелись в виду и другие цели: налаживание путей для революционно-пропагандистской работы и координация усилий русской эмиграции и революционеров в России по созданию единой революционной организации. В соответствии с этим Кельсиев виделся не только с главарями старообрядчества, как, например, с Павлом Пруским, но и с братьями А. А. и Н. А. Серно-Соловьевичами и с В. И. Касаткиным.

Сведения о революционной работе Кельсиева во время его пребывания в Петербурге и Москве содержатся в пяти его письмах, отправленных в Россию с Ветошниковым вскоре после возвращения Кельсиева в Лондон и попавших, как известно, в руки правительства. Письма были адресованы А. А. и Н. А. Серно-Соловьевичам, И. И. Шибяеву, Н. Ф. Петровскому, Н. М. Владимирову и О. М. Белозерскому (см. М. К. Лемке. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». СПб., 1908, стр. 29—39). Кроме того, из публикуемых выше писем Артура Бенни мы впервые узнаем, что Кельсиев, находясь в Петербурге, разработал план печатания лондонского «Колокола» в России с матриц, посылавшихся конспиративным путем, и что он принимал участие в задуманном Артуром Бенни и частично осуществленном выпуске прокламаций «Русская правда» (см. стр. 23—36). Очевидно, таким образом, что в 1862 г. Кельсиев находился в курсе главных революционных замыслов и был их активным исполнителем.

Однако и тогда, во время наибольшего подъема политической деятельности Кельсиева, сказывалось противоречие его взглядов со взглядами руководителей революционно-демократического лагеря. В основе расхождений лежали отмеченные пороки идейной позиции Кельсиева. Немалое значение имели и некоторые особенности его личности.

Кельсиев по характеру своему был мало пригоден к политической деятельности, хотя и мнил себя выдающимся стратегом и организатором. Берясь за самые разнообразные и нередко труднейшие задачи, он не доводил решения ни одной из них до конца, бросая прежнюю ради новой, более заманчивой и «грандиозной». Именно эту черту в характере Кельсиева имел в виду Добролюбов, когда писал о нем в своем дневнике «Одно, что мне в нем не нравится, это излишняя прихотливость в отношении к собственной жизни. Может быть, впрочем, что и это в нем есть следствие внутренних сил, которые ищут себе выхода и рвутся в разные стороны» (запись от 20 января 1857 г.).

Возвратившись в Лондон, Кельсиев совместно с Огаревым и Герценом работал над первыми номерами нового издания «Общее вече», но вскоре разошелся с основными редакторами. В спорах о направлении «Общего веча» явственно сказалось глубокое расхождение между Кельсиевым, с одной стороны, и Герценом и Огаревым — с другой, в вопросе о том, как включить старообрядцев в освободительную борьбу. Огарев настаивал и настоял на том, чтобы «Общее вече» выходило в качестве приложения к «Колоколу», что определяло светский характер нового журнала и его

направление. Огарев настоял также на том, что в журнале не будет места для богословской полемики между толками и сектами, что «Общее вече» будет воспитывать чувство гражданского протеста в приверженцах преследуемых вероучений и послужит их объединению для борьбы против общего врага — самодержавия.

По плану же Кельсиева, подсказанному ему заправилами старообрядчества, схоластическая богословская полемика должна была занять в «Общем вече» первое место, а статьи политического содержания — последнее, что, разумеется, совершенно исказило бы облик нового журнала как органа революционной демократии, призванного пропагандировать идеи свободомыслия и просветительства.

Смутные, в основном фантастические представления о старообрядческом движении явились отправным пунктом самостоятельной политической деятельности Кельсиева; ими, в частности, он руководствовался, предпринимая осенью 1862 г. поездку в Турцию. Кельсиев надеялся сблизиться там с выселившимися из России старообрядцами и использовать их для прочных связей с революционными элементами в России. Вместе с тем, Кельсиев в своих планах исходил из несостоятельных замыслов своеобразного «соперничества» с Герценом и Огаревым, продиктованных характерным для него тщеславием и преувеличением своих возможностей («Исповедь», стр. 289).

Сам Кельсиев об обстоятельствах и целях своей поездки в Константинополь писал следующим образом: «Тревожные ожидания, необходимость заводить новые связи и расширить наше влияние на старообрядцев, надежда заинтересовать в нашем деле липован (т. е. старообрядцев, живших за рубежом.— П. Р.), наконец, желание осмотреть, на что можно и на что нельзя рассчитывать, — все это, вместе с досадой на неудачный исход поездки в Россию, заставило меня ехать в Турцию и в дунайские княжества, где живет огромное множество русских, и откуда я надеялся устроить сношения с Петербургом и Москвой» («Исповедь», стр. 353).

По признанию самого Кельсиева, Герцен и Огарев старались удержать его от поездки в Турцию. «Герцен и Огарев,— писал Кельсиев в «Исповеди»,— наотрез отказали мне в разрешении ехать (...). Возражения их были те, что подобная поездка не имеет определенной цели, что если раскольникам нужно, они и сами приедут, сами попросят завести типографию с церковным прифтом, сами заведут у себя склады» («Исповедь», стр. 288). Со своей стороны, Герцен вспоминал в «Былом и думах» об отъезде Кельсиева из Лондона: «Я писал ему длинное письмо, убеждая его не ездить, а продолжать работу. Но страсть к скитанию, желание подвига и великой судьбы, мерещившейся ему, были сильнее, и он уехал» (XIV, 406).

Что же мешало Герцену и Огареву одобрить поездку Кельсиева?

Сам по себе замысел образования опорного пункта революционной эмиграции вблизи русской границы, на прямом пути к тем местам, которые считались главными очагами прошлых и будущих народных движений, мог быть одобрен Герценом и Огаревым. Поиск новых средств для надежной и скорой доставки агитационной литературы в Россию они тоже могли приветствовать. Аресты среди революционеров в 1862 г. нарушили многие связи. Назревавшие события в Польше с каждым днем осложняли пути доставки в Россию агитационной литературы через западную границу. Скептическое отношение Герцена и Огарева к замыслам Кельсиева определялось их более трезвым взглядом на старообрядческую среду, а также их анализом сложной политической обстановки в Турции, где сильны были происки польской аристократической эмиграции. Положение дел в Константинополе требовало, чтобы лицо, представлявшее там русскую революционно-демократическую эмиграцию, обладало ясностью политической мысли, трезвостью расчета, умением быстро ориентироваться, закаленностью в борьбе, то есть именно теми качествами, которыми не обладал Кельсиев.

В Константинополе Кельсиев прожил с октября 1862 г. по декабрь 1863 г. В июле 1863 г. в Константинополь приехал его брат Иван Иванович — выдающийся молодой революционер, член «Земли и воли», бежавший в Москве из-под ареста, а 29 августа приехала из Лондона жена В. И. Кельсиева, Варвара Тимофеевна, с дочерью Малушей (Марией). Вскоре после этого, примерно во второй половине сентября, Иван Кельсиев переехал в Тульчу, куда, в начале декабря, последовали за ним и Василий Кельсиев с семьей.

Среди публикуемых писем Василия Кельсиева к Герцену и Огареву к константинопольскому периоду относятся первые три письма—от июня и июля 1863 г. Это не все письма, которые Василий Кельсиев писал в это время в Лондон: не дошли до нас письма конца 1862 г. и первой половины 1863 г. (вероятно, самые ценные для изучения

ГЕРЦЕН

Фотография, 1850-е гг.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

революционной деятельности русской эмиграции); не дошли и ответные письма Герцена и Огарева, посланные Василию Кельсиеву в Константинополь.

Письма Кельсиева 1863 г. из Константинополя показывают, что уже в это время он был охвачен сомнениями в правильности и осуществимости революционного дела. Большую роль в тяжелой истории ренегатства Кельсиева сыграло общее понижение тона общественной жизни внутри России, порожденное спадом революционной волны и временным усилением реакционного лагеря. Кельсиев преувеличивал последствия политики правительства, ставшего на путь реформ. Отрицание революции у него сопровождалось усиливающимся тяготением к славянофильству. Свойственные этому

консервативному течению, особенно публицистике Ивана Аксакова, черты псевдо-демократизма облегчали постепенный переход Кельсиева, как и других людей его типа, в стан реакции.

В Тульче произошло событие, наложившее печать на всю дальнейшую жизнь Кельсиева. В июне 1864 г. от тифа умер его брат Иван. Кельсиев очень тяжело перенес эту потерю. После смерти Ивана Кельсиева распалась организованная им, вместе с братом, русская эмигрантская колония в Тульче. Молодой эмигрант, приехавший в Тульчу из Лондона по совету Герцена и Огарева, П. И. Краснопевцев, покончил с собой; многие члены колонии разъехались. В апреле 1865 г. Тульчу покинул сам Кельсиев с семьей и переехал в Галац в надежде, как он рассказывает в «Исповеди», добыть средства и переселиться обратно в Европу. Но в Галаце сильно бедствовавшего Кельсиева постигли новые несчастья: летом и осенью 1865 г. умерли, один за другим, его двое детей и жена. От этих ударов Кельсиев уже не оправился. «Жизнь вас страшно раздавила», — писал Герцен Кельсиеву (XVIII, 281). С этого момента Кельсиев впадает в то состояние отчаяния, которое способствовало и его окончательному политическому упадку.

Тульчинский период представлен в нашей публикации пятью письмами Кельсиева, относящимися к февралю, июню и июлю 1864 г.

Его последующие двухлетние скитания за границей отмечены полным отходом от революционной работы и несостоятельными попытками войти в науку. В это именно время он начал сотрудничать в русской умеренно-либеральной и реакционной прессе.

Кельсиев даже не сообщил Герцену о своем переезде из Тульчи в Галац, и первое время письма к нему из Лондона и потом из Женевы продолжали посылаться по старому адресу. Из письма Огарева от 17 октября 1865 г. мы узнаем, что Кельсиев вообще не писал лондонским друзьям после смерти брата почти полтора года. Последнее письмо Кельсиева из Тульчи датировано 25 июля 1864 г., а следующее из Галаца — только 26 октября 1865 г. Кельсиев не отзывался на настойчивые просьбы Герцена и Огарева сообщать о своих делах, он не ответил Огареву и на уведомление о смерти двоих детей Н. А. Огаревой. Помимо Герцена и Огарева к Кельсиеву обращалась и Наталья Александровна Герцен, но и она не получила ответа.

Период скитаний Василия Кельсиева (после того, как он покинул Тульчу, и до того, как он перешел русскую границу), в настоящей публикации представлен пятью письмами: тремя — из Галаца, написанными в октябре и декабре 1865 г., и двумя — из Вены, написанными в апреле и в июне 1866 г. Но, конечно, это возобновление переписки не означало возобновления политической связи с центром русской революционной эмиграции. Переписка возникла вновь при чрезвычайно тяжелых для Кельсиева обстоятельствах и вызвана была чувством крайнего одиночества. Герцен и Огарев, как и отмечал сам Кельсиев, были единственными людьми, могущими оказать ему не только материальную, но и моральную поддержку. Венские письма Кельсиева завершают сохранившуюся в «пражской коллекции» его переписку с Герценом и Огаревым; возможно, что она дальше и не продолжалась.

Уехав летом 1866 г. из Вены, Кельсиев бесцельно скитался по разным местам юго-восточной Европы: жил в Венгрии, Галиции, в ноябре 1866 г. переехал в город Яссы.

19 мая 1867 г. Кельсиев явился в Скуляньскую таможню на границе Румынии и России и добровольно отдал себя в руки царских властей, по выражению Герцена, «в качестве запрещенного товара, просящего конфискации и поступления с ним по законам» (XIV, 401). Так кончился эмигрантский период жизни Кельсиева.

В России он, после недолгого пребывания в тюрьме, получив прощение, — правительству было выгодно пребывание на свободе уже не опасного для него раскаявшегося «государственного преступника». В последующем Кельсиев жил литературным трудом, помещая в разных журналах путевые очерки и автобиографические рассказы; выпустил он также книгу воспоминаний «Пережитое и передуманное» и несколько исторических романов.

Умер Кельсиев под Петербургом в октябре 1872 г. в большой нужде.

* * *

Литературные работы Кельсиева уже давно используются исследователями в качестве источника для знакомства с жизнью и деятельностью русских революционеров за рубежом: в них запечатлены многие существенные черты той обстановки, в которой протекала деятельность русской революционной эмиграции, и прежде всего — Герцена и Огарева.

Однако известным до сих пор литературным работам Кельсиева присущ один большой недостаток: почти все они написаны в то время, когда автор уже перестал участвовать в революционной работе и сдался на милость царского правительства.

Статьи Кельсиева, напечатанные в русских журналах после его возвращения в Россию, были написаны в духе, соответствовавшем его новому положению — положению бывшего революционера, кающегося в своей прежней деятельности. Они были приурочены к запросам и требованиям читателей консервативных или умеренно-либеральных журналов.

Естественно, что не только взгляд на пережитое, но и ретроспективное изложение самих фактов несли на себе печать новых обстоятельств жизни Кельсиева.

Особенно строгого критического подхода требует к себе «Исповедь» Кельсиева — обширный автобиографический документ, написанный Кельсиевым в III Отделении, под арестом, для шефа жандармов П. А. Шувалова. Однако для контрольной проверки этих сочинений Кельсиева, служивших и продолжающих служить немаловажным источником для выяснения фактической истории общественного движения шестидесятых годов, исследователям не хватало до сих пор материалов*. Сохранившиеся в «пражской коллекции» и впервые публикуемые ниже четырнадцать писем Кельсиева к Герцену и Огареву 1862—1866 гг. существенно восполняют этот пробел. Значение писем для критической оценки ранее опубликованных материалов велико. Правда, оно несколько уменьшается тем, что и в этих письмах Кельсиев не вполне откровенен. Он опасался, что письма могут на пути к адресатам попасть в ненадежные руки; возможно, что и не со всеми сторонами своей деятельности в Турции он хотел знакомить лондонских друзей. В письмах встречаются, например, такие замечания: «Не хочу верить бумаге своих источников» (письмо от 23/17 июня 1866 г.); некоторые лица обозначены лишь инициалами или сокращенными именами, многие важные факты политической деятельности Кельсиева либо совсем не затронуты, либо описаны в самых общих чертах. Видимо, печальный опыт с передачей писем в Россию через Ветошников не прошел для Кельсиева даром.

Письма Кельсиева содержат много материала для характеристики жизненных обстоятельств и процессов идейной эволюции их автора, которые привели его к глубокому моральному и политическому падению. Как всякий ренегат, Кельсиев старался найти оправдания для своей деградации. Потерю веры в революцию и свой отход от революционной работы он пытался поставить в зависимость от «объективных» исторических причин. С большим упорством нагнетая в своих письмах эти «объективные» причины, Кельсиев фактически склоняется перед силами реакции, переоценивает последствия правительственных реформ и тем самым клеветает на русский народ.

Резкие клеветнические выпады Кельсиева против прогрессивных общественных сил, против русского народа и всего славянства, так же как и восхваление им сил реакции, нельзя читать без чувства глубокого внутреннего протеста и отвращения. Вместе с тем нельзя забывать, что такая позорная эволюция от революционной деятельности к ренегатству и клевете на дело революционеров была свойственна не одному

* Писем Кельсиева периода его эмиграции до настоящего времени было известно немного. Назовем упомянутые пять писем Кельсиева 1862 г. к революционным и общественным деятелям в России, захваченные при аресте Ветошникова (М. К. Л е м к е. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». СПб., 1908, стр. 29—39), письмо 1864 г. к Д. В. Аверкиеву («Русская старина», 1882, № 9, стр. 634—637) и письмо к архимандриту Кириллу («Православный собеседник», 1867, № 2, стр. 114—120). Литературные работы Кельсиева учтены в специальном «Библиографическом списке», составленном М. Клевенским («Лит. наследство», т. 41—42, 1941, стр. 262—264).

Кельсиеву, а целой группе временных попутчиков освободительного движения, тем, кто входил в него лишь в годы общенародного подъема и отказывался от служения народу в период спада общественной волны. Неустойчивость таких попутчиков и их последующая измена создавали большие трудности для дела Герцена и Огарева. Поэтому изучение идейной эволюции таких людей входит как одна из составных частей в исследование обстановки революционной работы вождей демократического движения. Письма Кельсиева для такого изучения могут явиться богатым и ярким материалом.

Читатель заметит, что, заявив о своем неверии в революционное дело, Кельсиев долго еще продолжал в какой-то мере служить ему. В этом сказывалась типичная для него непоследовательность; скептицизм в теоретических вопросах довольно долго сочетался у Кельсиева с практической революционной работой. Если отрешиться от всего, что сказано в письмах Кельсиева из Константинополя и Тульчи о его субъективных взглядах и настроениях, и собрать в один фокус все, что говорится там о его практической революционной работе, то перед нами предстанет фигура активного участника революционной борьбы, непосредственно связанного с Герценом и Огаревым, чья работа в 1862—1864 гг. в какой-то части еще входила как органическое звено в общее дело русских революционеров. Не скептические рассуждения Кельсиева, а имеющие объективное историческое значение факты его участия в выполнении коллективных революционных замыслов определяют главную ценность его писем из Турции.

Из первых же писем мы узнаем, например, что Кельсиев в Турции хлопотал о распространении революционных изданий Герцена, в частности — через посредство старообрядцев. В одном из писем Кельсиев говорит о «массе листов», пущенных в ход в Волинии через О. С. Гончарова. Мы узнаем также о его попытке отправить воззвания в Одессу для широкого распространения по России.

К сожалению, в «пражской коллекции» не сохранилось одно из первых писем Кельсиева от ноября 1862 г., отправленное из Константинополя. Это важное письмо являлось своего рода отчетом Кельсиева о том, что ему удалось сделать, и содержало план дальнейшей деятельности. Но случайно кое-какие данные о содержании этого письма сохранились. 10 ноября 1862 г. Бакунин, анализируя содержащийся в письме Кельсиева план, сообщал Герцену: «Письмо Кельсиева я прочел, и оно совсем помирило меня с ним (...) Раскрыть во что бы то ни стало широкие и постоянные сообщения с Россией стало делом первой и ближайшей необходимости (...) Время есть сила, которую терять непростительно (...) Я рад, что вы решились, наконец, послать Бакста в северную Германию, и предлагаю вам послать *Жуковского* на восток, отчасти на помощь Кельсиеву, отчасти и преимущественно с самостоятельным поручением (...) Вы видите из письма Кельсиева и, вероятно, догадывались прежде, что для нас на востоке плодovitого дела тьма, — как политического, так и коммерческого, — и что оба тесно между собою связаны. Пропаганда на староверов в Турции и в Австрии и через них на Россию, устройство складочного места и правильной торговли через Константинополь и Галац на Одессу, устройство правильной пропаганды через Кавказ на войско кавказское и далее на Дон — и я прибавлю еще, устройство правильной торговой пропаганды через армян на Тифлис и на Волгу даже до Нижнего-Новгорода. На все это, при всей ревности Кельсиева, его одного не хватит» («Письма М. А. Бакунина к Герцену и Огареву». Женева, 1896, стр. 90—91. Уточнено по автографу, хранящемуся в «пражской коллекции»).

Приведенные данные свидетельствуют о том, что письма Кельсиева к Герцену и Огареву вплоть до конца 1862 г. были посвящены, главным образом, вопросам продолжения революционной пропаганды, а также транспорту и сбыту лондонских изданий в России. Активное участие Кельсиева в делах революционной пропаганды в этот период не вызывает сомнений. Но и позднее, уже после начала польского восстания, в самый напряженный момент деятельности «Земли и воли», т. е. в феврале—мае 1863 г., Кельсиев участвовал в осуществлении планов общества.

Из писем мы не получаем также сведений о наиболее значительном эпизоде его практической революционной деятельности этого периода — о составлении им

прокламации «Слушная пора приходит» *. Эта прокламация, датированная 19 февраля 1863 г., была издана Кельсиевым литографским способом в виде отдельного листа, а затем перепечатана в «Общем веча» в № 12 от 8 марта 1863 г. (автотипическое воспроизведение прокламации см. в «Лит. наследстве», т. 41-42, 1941, стр. 323; публикацию текста см. XVI, 105).

Тот экземпляр прокламации, с которого была сделана перепечатка в «Общем веча», сохранился в «пражской коллекции»; на нем рукою Огарева написано отсутствующее в оригинале название — «От старообрядцев народу русскому послание» и приписка, воспроизведенная в журнале: «Сейчас получили листок, оттиснутый старообрядцами, и перепечатываем его гражданской печатью, к сожалению, не имея церковных букв. Заглавие придумано нами. В оригинале только восьмиконечный крест. С радостью и упованием видим мы, как земская мысль растет в старообрядчестве. Мы ручаемся за то, что между старообрядцами, издателями этого листа, и старообрядцем, помещившим у нас свои три письма, нет никаких сношений, а между тем стремления совпадают. Видно время пришло».

В «Исповеди» Кельсиев упоминает очень глухо и нарочито небрежно о составлении им революционной прокламации. Стремясь создать впечатление, что это его самое значительное революционное дело не имело серьезных реальных последствий, Кельсиев сообщает, что чуть ли не все экземпляры прокламации будто бы «пошли на самовар». В действительности это было не так. Из писем Кельсиева мы узнаем о том, что он сам предпринимал меры для распространения революционной литературы на юге России; нет сомнения, что среди этой литературы была и собственная прокламация Кельсиева.

Политическая деятельность Кельсиева в Турции, судя по его письмам, не ограничивалась тем, что он составлял прокламации и распространял революционную литературу. Он сообщал Герцену и Огареву о сборе среди старообрядцев материалов для «Общего веча», информировал о чинимых правительством притеснениях, о присылке старообрядцами денег в фонд помощи революционерам.

Вел он среди старообрядцев и пропаганду, посвящая их в основные пункты революционной программы общества «Земля и воля». Так, например, он пытался привлечь к движению известного добруджского старообрядца Ф. Ф. Гончарова (Гончара), о котором см. выше, на стр. 70—78 настоящего тома. Кельсиеву казалось, что это ему удалось и что Гончаров сделался сторонником Герцена; он считал это своей большой победой, так как Гончаров, по его тогдашнему мнению, имел на старообрядцев «страшное влияние». Однако Кельсиев безмерно преувеличивал влияние Гончарова на старообрядческую массу. Ему казалось в это время, что Гончаров усвоил все основные пункты программы революционной демократии: лозунги Земского собора и «Золотой воли». Совсем иную, гораздо более правильную характеристику Гончарова дал Герцен на основе впечатлений от кратковременного общения с ним в Лондоне (XIV, 407—409). В ней он отметил чрезвычайную узость взглядов и беспринципность этого видного деятеля старообрядчества.

Наконец в плане той же практической революционной деятельности Кельсиев собирал из разных источников, в том числе от крестьян — выходцев из Новороссии, сведения о крестьянских движениях в России.

В «Исповеди» Кельсиев уверял шефа жандармов, что он будто бы еще в Константинополе, перед отъездом в Тульчу, навсегда распрощался с политической деятельностью и окончательно разочаровался в революционных замыслах. Соответственно этому утверждению описывались им дела и настроения в Тульче: они с братом и женой будто бы мечтали лишь о развитии просвещения в Добрудже, об устройстве там гимназии, о введении правильного пчеловодства, садоводства и т. д. «Легко было нам на душе, рады мы были нашему удалению от политических бурь, будущность была светла...»,—

* Первое слово прокламации не может считаться точно установленным. В литографированном первоначальном тексте написано: «Случная пора» (от слова «случай»). В печатном же тексте «Общего веча» (№ 12) читаем: «Слушная пора» (от «слух» в смысле, «сигнал»). Это выражение жило в народе и часто употреблялось в революционных прокламациях шестидесятых годов.

писал Кельсиев в «Исповеди» (стр. 380). Здесь, как и при описании жизни в Константинополе, Кельсиев, несомненно, не говорил всей правды.

В противоречии с этими показаниями «Исповеди» публикуемые письма содержат ряд фактов, свидетельствующих, что и в тульчинский период революционные настроения еще не вполне выветрились у Кельсиева. Настроением подъема проникнуто, например, первое из дошедших до нас тульчинских писем — письмо от 23 февраля 1864 г. Здесь встречаются фразы, которые резко противоречат предыдущим заверениям: «Сил у нас гибель и надежд много: пусть идут к нам товарищи». Организуемую им с братом эмигрантскую колонию Кельсиев называет «революционным консульством в Тульче». Даже в письмах из Галаца, почти накануне сдачи царским властям, позиция Кельсиева не вполне устойчива. Уже заявив в письмах о своем отходе от революционного дела, он, вслед за тем, соглашается на предложение Герцена распространять русские заграничные издания, в том числе «Колокол».

Для дела Герцена и Огарева в эти критические годы спада массового движения в России и резкого усиления реакции даже и такой неустойчивый человек, как Кельсиев, представлял собой какую-то ценность. Как видно из нескольких дошедших до нас писем Герцена и Огарева к Кельсиеву *, они не переставали заботиться о нем, как о человеке, попавшем в тяжелые условия жизни: отправляли ему литературу и деньги, убеждали Кельсиева не делать скороспелых заключений, не предаваться пессимизму. Они старались вдохнуть в Кельсиева бодрость, приобщить его к полезной для общего дела работе.

В то же время ответственное представительство русской революционно-демократической эмиграции на готовящемся Славянском съезде в 1864 г. Герцен и Огарев поручают не Василию Кельсиеву, а его брату Ивану — одному из лучших представителей молодого поколения революционеров (см. о нем специальную публикацию в этом томе).

Письма Кельсиева содержат ценный материал для изучения одной из малоосвещенных сторон революционной практики 1860-х годов — попыток отдельных революционеров привлечь на свою сторону главарей старообрядчества. Конечно, попытки эти были обречены на неудачу. Старообрядцы не являлись революционной силой: буржуазные элементы, получившие в их среде значительное развитие, характеризовались отсутствием революционности, типичным для всей русской буржуазии. Однако это важнейшее обстоятельство долгое время не сознавалось даже руководителями русской революционной борьбы в конце 1850 — начале 1860-х годов. Надеясь найти старообрядцах наиболее активные антифеодальные элементы русского народа, рассчитывая на особую решительность старообрядцев в будто бы «привычной» для них борьбе с царизмом, революционеры-демократы ошибочно представляли себе старообрядчество однородной «патриархальной» средой, не учитывая глубокой классовой дифференциации, которая в пору кризиса феодально-крепостной формации привела к резким внутренним расхождениям в этой среде. Расчеты на революционность старообрядчества не оправдались, и обращение к старообрядческой среде, естественно, не увенчалось успехом.

Кельсиев был одним из тех немногих практиков революционного движения, которые упорно и долго пытались осуществить контакт со старообрядцами в целях развертывания освободительной борьбы в самих народных массах. В публикуемых письмах достаточно полно зафиксирован опыт работы Кельсиева со старообрядцами из зарубежных русских поселений. Опыт этот, несмотря на длительные и упорные старания Кельсиева, оказался неудачным, да он и не мог оказаться иным.

Подобно другим представителям радикально-демократической интеллигенции, увлекавшимся поисками революционных элементов в старообрядческой среде, Кельсиев, по существу, не знал этой среды, не понимал общественного и идейного содержания старообрядчества. Одним из результатов этого незнания явилось то, что косная среда

* Письма Герцена см. в Полн. собр. соч., под ред. Лемке; письма Огарева — в «Русской старине», 1889, кн. 1, стр. 84—90 (о неточностях этой публикации см. в «Лит. наследии», т. 61, 1953, стр. 913). Подлинники писем Герцена и Огарева хранятся в ИРЛИ.

приверженцев «старой веры» оказала отрицательное влияние на самого Кельсиева. Быт оторванных от своего народа русских поселян-старообрядцев в Добрудже отличался крайней отсталостью; замедленное хозяйственное развитие сочеталось у них с низкой культурой и чрезвычайной заботистостью. Многочисленные старообрядческие монастыри, распространявшие свою реакционную идеологию в русских поселениях Добруджи, отдавали массу рядовых крестьян в полное материальное и духовное порабощение местной буржуазии и местному начальству, соединявшему в себе власть административную с властью церковной.

Свои впечатления от быта русских старообрядческих поселений за рубежом Кельсиев без всяких оснований переносил на весь русский народ, на всю Россию. Такие представители культурно отсталой, реакционной по своим взглядам буржуазно-эксплуататорской прослойки, каким был О. С. Гончаров и ему подобные, казались Кельсиеву типичными представителями народа. На этой предпосылке и были основаны его клеветнические суждения о русском крестьянстве, встречающиеся в публикуемых письмах.

Старообрядческое движение в середине XIX в. переживало полосу глубокого кризиса. Расхождение между буржуазной верхушкой старообрядчества и рядовой массой его приверженцев, состоявшей, главным образом, из крестьян, в то время чрезвычайно усилилось. Развалу старообрядческого движения способствовали также постоянные распри отдельных иерархов, поддерживаемых конкурирующими между собой группами русской буржуазии. С наибольшей отчетливостью развал старообрядческого движения был виден в «поповщине», а с «поповщиной» Кельсиев соприкасался ближе всего. В руководящей части этого толка крупная буржуазия была представлена особенно широко, оказывая на главные центры старообрядческой церковной организации безраздельное и решающее влияние. В период буржуазных реформ, последовавших за первой революционной ситуацией, русская буржуазия стремилась устранить все, что осложняло ее отношения с дворянским правительством. Это стремление отражалось и в политике заправил старообрядчества: в обращениях к царскому правительству они спешили заверить его в своей преданности самодержавию. В шестидесятых годах многие старообрядцы открыто переходили в стан реакции, в том числе и те, кто в годы революционной ситуации в какой-то мере соприкасались с освободительным движением.

Внутреннее разложение старообрядчества с особой отчетливостью сказалось в том, что его заграничный центр потерял влияние в России. Между московскими старообрядцами и белокриницким митрополитом Кириллом произошел острый конфликт. Этому конфликту Кельсиев уделяет довольно много места в своих письмах Герцену и Огареву. Московское старообрядчество прежде всего перестало поддерживать белокриницкого митрополита потому, что не желало вступать в столкновения с властями из-за «недозволенных» сношений с заграничным центром. Немалое значение имеют и нежелание московского купечества отдавать свои средства на поддержание этого центра. Денежные домогательства белокриницкого митрополита раздражали москвичей. Герцен и Огарев ясно видели, в какой степени главы старообрядчества далеки от народа, зависимы от буржуазии, консервативны и беспринципны.

Сам по себе конфликт между белокриницким митрополитом Кириллом и московским епископом Антонием Огарев рассматривал как результат провокации со стороны русского правительства, для которого эта борьба, ослаблявшая старообрядческое движение в целом, была выгодна. Однако в своих статьях в «Общем веча» Огарев осуждал поведение москвичей. Он полагал, что независимо от тех или других черт личности неудачливого митрополита Кирилла, само по себе существование старообрядческого центра за рубежом, где он недостижим для правящих в России властей, — важное условие сохранения оппозиционности старообрядчества. По мнению Огарева, если центр старообрядчества и следует организовать в Москве, то только втайне от властей.

Кельсиев не смог найти правильной линии поведения по отношению к старообрядцам. Обращаясь к их различным деятелям, к архидиакону Филарету Захаровичу, Осипу Гончарову и другим, Кельсиев терпел неудачу за неудачей. Обещая вначале содействие, они затем обнаруживали свою неспособность или нежелание заниматься политическими вопросами, а некоторые, используя возможность выслужиться перед

царским правительством и пользуясь доверчивостью Кельсиева, секретно осведомляли агентов русского правительства о замыслах революционеров.

Как уже говорилось выше, взгляды Кельсиева на старообрядчество существенно отличались от взглядов Герцена и Огарева. Соответственно различна была и их реакция на неудачи попыток привлечь старообрядцев к революционному делу. Свободный от тех неоправданных увлечений, которыми вначале был полон Кельсиев, Герцен отнесся спокойно к этим неудачам. Он писал Кельсиеву 13 декабря 1865 г.: «Что раскольники оказались демосоками на свой манер, а не на ваш, это еще не беда. В отношениях неверующих к фанатикам всегда бывает хромая нога» (XVIII, 281).

Значительное место в письмах Кельсиева занимают сообщения о деятельности польской аристократической эмиграции в Турции. Этой теме Кельсиев уделил много внимания и в «Исповеди» и не раз освещал ее в журнальных статьях, напечатанных в России (см. особенно: «Польские агенты в Царьграде» в журнале «Русский вестник», 1869, № 6, 9, 11, 1870, № 1 и «Из быта польских эмигрантов» в журнале «Всемирный труд», 1869, № 1). По вполне понятной причине освещение деятельности польских эмигрантов в письмах Кельсиева к Герцену и Огареву существенно отличается от сказанного им в статьях для журналов, рассчитанных на читателей из среды буржуазно-дворянской интеллигенции. В письмах отрицательное отношение к польским эмигрантам-аристократам в Турции, с которыми имел дело Кельсиев, таким, как завсегдатай английского и французского посольств Владислав Иордан, Владислав Замойский, Витольд Чарторыйский и другие, обусловлено закономерной неудачей попыток привлечь их к активному участию в подготовке революции в России, а в публицистике рассказ об этих попытках, естественно, отодвигался на второй план.

Трения с польской аристократией возникали и по иному поводу. Во время своего пребывания в Турции Кельсиев пытался организовать революционную агитацию среди горцев Кавказа, ведущих войну с Россией, распространяя между ними герценовские издания. Для этого предполагалось использовать польских эмигрантов, находившихся на Кавказе. Эти неудавшиеся замыслы Кельсиева явились результатом его неумения анализировать обстановку и находить правильную линию поведения: подвизавшиеся на Кавказе отдельные поляки-авантюристы являлись агентами Англии и Франции. Кельсиев постепенно осознал авантюристский, глубоко антинародный характер прожектов польской аристократической эмиграции на Кавказе (вместе с нею действовала и черкесская эмиграция в Турции, состоявшая преимущественно из феодальной и родовой верхушки). В поздних статьях Кельсиева можно найти ценный фактический материал, показывающий, как эта монархически-дворянская эмиграция предавала интересы народа. Отдав себя в услужение английским и французским правящим кругам, подчиняясь их колонизаторским вождениям, эмигранты-аристократы раздували братоубийственную вражду между народами, выдавая ее за освободительное движение (см., например, «Польские агенты в Царьграде». — «Русский вестник», 1869, № 6, стр. 521). Осознав это, Кельсиев все же не понял до конца главного: прочное соединение народов Кавказа с русским народом в одном государстве отвечало исконному тяготению этих народов к великому русскому народу и прогрессивно сказывалось на их внутренней жизни; если бы не объединение с Россией, народы Кавказа были бы поглощены отсталой Турцией и попали бы в рабство к английским и французским колонизаторам.

Таковы главные темы публикуемых писем Кельсиева. Современный читатель сумеет правильно отнести к заключенным в них реакционным и клеветническим оценкам русского революционного движения. Временный спад этого движения, во время которого и были написаны публикуемые письма, на рубеже 1870—1880-х гг., сменился новым мощным подъемом, второй революционной ситуацией; сам уже этот факт непосредственно опровергает реакционные «прогнозы» Кельсиева, — в этих же письмах читатель найдет и отражение тех существенных элементов внешней обстановки деятельности Герцена и Огарева, без учета которых эта деятельность не может быть правильно понята.

Письма печатаются по автографам «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 83 и 152).

1

(Лондон.) Пятница, 18 июля 1862

Милостивый государь
Александр Иванович,

Я не знаю, чем вас смутила эта критика Мартьянова, чрезвычайно странная по тону и показывающая его полное незнание старообрядческих отношений¹. Ради бога, напишите, когда вас, хоть завтра или в воскресенье, можно будет застать дома в случае, что я не застаю вас сегодня.

В. К е л ь с и е в

Р. S. Вот несколько замечаний:

Человеку, твердящему, что надо вырезать всех дворян, нечего толковать о *сезнии раздора* в семье русского народа. Где я сею этот раздор? Чем я обидел единоверцев? Какие нечестные меры принял я, чтобы «подслужиться» какому-нибудь согласию?

Особые меры для поддержания и расширения единоверия состоят в отдаче единоверцам икон, моленных, богаделен старообрядческих, в дозволении старообрядцам делаться единоверцами и в запрещении единоверцам выходить в старообрядчество. Сколько человек пошли в Сибирь и на Кавказ вследствие желания правительства расширить единоверие. Этим единоверие *опозорено* в глазах народа, и от этого оно *падает*, что говорит сам Сопелкин, один из главных столпов единоверия. Что я не имею ничего против честного и искреннего единоверия — доказательство, что я объявил об издании «Слова единоверца к православному»², и я не знаю, какой искренний единоведец не согласится с моими замечаниями, напечатанными в «Общем вече».

Тон Мартьянова неприличен, как неприлично и то, что он послал это письмо к вам, а не ко мне. И что это значит, что «льстить одному согласию могут только эгоисты и интриганы из *личных* выгод»? и что значат вообще разного рода незаслуженные намеки? Я не имею фактов, но оставляю за собой право думать, что Мартьяновым руководило личное чувство против меня и оскорбленное самолюбие, что с народом говорит человек не из народа, т. е. Кельсиев, а не Мартьянов.

В. К.

¹ Во время непродолжительной работы Кельсиева в «Общем вече» у него возник острый конфликт с одним из сотрудников герпеновских изданий — Петром Алексеевичем Мартьяновым (о котором см. на стр. 138 настоящего тома). Об этом инциденте Кельсиев не раз рассказывал на страницах своих автобиографических сочинений (например: «Исповедь», стр. 293—295, 343; «Из рассказов об эмигрантах» в журнале «Заря», 1869, № 2, — здесь П. А. Мартьянов выведен под фамилией П. А. Артемьева). Однако нигде Кельсиев сколько-нибудь точно не передал самого существа конфликта: ему не хотелось после возвращения из эмиграции лишний раз напоминать, что он когда-то стоял на радикальных позициях. Как раз в этом эпизоде правда была на стороне Кельсиева, и публикуемое здесь письмо его, датированное 18 июля 1862 г., позволяет уяснить подлинное содержание конфликта. Конфликт произошел из-за статьи, помещенной в первом номере «Общего веча» и озаглавленной «Донос иже по делам веры фискальствующего купца Сопелкина». В статье полностью воспроизводилась «Записка», составленная в сентябре 1861 г. для Министерства внутренних дел крупным московским купцом-старообрядцем, перешедшим в 1854 г. в единоверие, В. А. Сопелкиным. Сопелкин многочисленными статьями, помещавшимися в реакционной печати и переполненными клеветой на прежних одноверцев, усердно служил господствующей церкви и жандармам. «Записка» же, опубликованная в «Общем вече», показала всем, что Сопелкин не брезговал и тайными доносами в полицию. Разоблачение Сопелкина как одного из видных представителей единоверия — главного орудия реакции в борьбе против свободы религии — имело большое общественное значение. Публикуя «Записки» Сопелкина, Кельсиев снабдил документ остро критическими примечаниями (они подписаны инициалами: «В. К.»); эти примечания и вызвали резкие возражения со стороны Мартьянова; повидимому, более всего задела Мартьянова следующие слова примечаний: «Как же это не понимать, что единоверие падает именно оттого, что его поддерживает правительство; и что всякое согласие может усиливаться только когда ему не на кого другого рассчитывать

кроме как на свои собственные силы». «Сколько пошло в Сибирь и на Кавказ, чтоб порадовать благочестивое царское сердце», — писал в другом месте своих комментариев Кельсиев. — «Да оттого-то и падает и позорится единоверие, что правительство то и дело принимает особые меры для его поддержания» («Общее вече», № 1, стр. 6—8).

Мартьянов справедливо почувствовал в словах Кельсиева осуждение теории «единения народа» с «земским царем», во власти которой он целиком находился. Антимонархический характер примечаний, сделанных Кельсиевым, был неприемлем для Мартьянова, в идеологии и чувствах которого сочетались самые резкие антидворянские настроения с наивной крестьянской верой в «хорошего царя».

Прочитав только что вышедший номер «Общего веча» (датирован 15 июля, но был отпечатан, повидимому, несколькими днями раньше), Мартьянов сделал на полях газеты ряд критических замечаний и послал этот экземпляр Герцену в сопровождении следующего письма:

Милостивый государь
Александр Иванович!

Я не люблю вмешиваться там, где меня не спрашивают. Но некоторые вещи в «Вече» так близко коснулись сердца, что тотчас же сделал заметки, и весь номер посылаю к вам. Покажите Николаю Платоновичу и Кельсиеву. Я буду рад, если я ошибаюсь, хоть бы после пришлось выслушать: «Как же этого не понимать?». Но шутки в сторону, ей-ей мне кажется мерзким такой образ действия — как можно ни за что, ни про что оскорблять несколько миллионов единоверцев, тыкая им беспрестанно в глаза поддержкой правительства?

Неужели все то погано, что не теснится правительством? все то подлежит оскорблению?

По моему мнению, не беда попасть темной ночью в незнакомую местность, если человек пойдет ощупью; а если ни с того ни с сего вообразит, что он знает очень хорошо, что кругом его находится, и пойдет во всю прыть, то или себе нос разобьет, или кругом себя бед наделает...

Ваш покорный слуга

П. М а р т ь я н о в

17 июля 62
London

Герцен переслал письмо Мартьянова и его критические заметки Кельсиеву — очевидно, в сопровождении своей записки, которая не сохранилась. Публикуемое письмо является ответом Кельсиева Герцену по этому поводу.

На следующий день, 19 июля, Герцен переслал все эти материалы Огареву, жившему в это время в окрестностях Лондона (XV, 359). Как отнесся Огарев к существу возникшего спора, сведений нет, но известно, что он счел нужным указать Кельсиеву на необоснованность его недовольства тем, что замечания и письмо Мартьянова были сообщены не ему, Кельсиеву, а Герцену и Огареву. Об этом свидетельствует следующая надпись, сделанная Огаревым на обороте приведенного выше письма: *«Разумеется, ни заметки на „Вече“, ни это письмо — не секрет ни для кого, Василий Иванович, не худо раздумать об этом».*

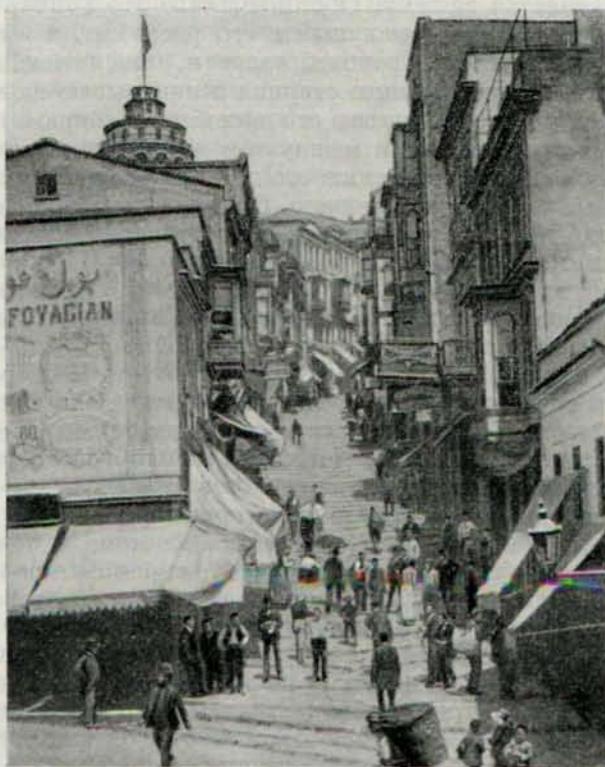
² В конце первого номера «Общего веча», в сообщении «Еще от издателей» (стр. 8), содержалось уведомление о том, что в ближайшее время в числе других книг, предназначенных для старообрядцев, выйдет в свет книга под названием «Слово единоверца православному». Насколько известно, это издание в печати не появилось.

2

Четверг $\frac{11 \text{ июня}}{30 \text{ мая}}$ 1863. Константинополь

С пароходом, который повезет это письмо, отправляется в Марсель Осип Семенович Гончаров¹. Он будет в Париже, а по всей вероятности и в Лондоне; по крайней мере, я надеюсь, что убедил его предпринять это путешествие именно для свидания с вами. В Париже он побывает у А. Замойского², у Калинки³, у Косиловского⁴ — хорошо бы вам было написать им, чтоб и они натолкнули его на поездку к вам. От свидания его с вами я жду огромных результатов. Я его подготовил к пониманию наших вопросов, сколько мог, т. е. из последователя польских идей сделал его приверженцем земского собора, «золотой воли»⁵ и т. п. Эти идеи для него новы, но он начинает их понимать и начинает им сочувствовать, — свидание с вами довершит мою работу, что будет чрезвычайно выгодно

для общества «Земли и воли». Надо слышать отзывы об нем старообрядцев, чтобы оценить его страшное влияние. Без него не обходится ни один собор, ни один богословский или житейский вопрос. Если он примкнет к обществу, все передовые люди примкнут к нему. Вы сами увидите его — и, поговоривши с ним, поймете эту личность. Но вот вам на всякий случай мои наблюдения, которые могут вам пригодиться. Гончар — ум по преимуществу практический, мало склонный к абстракциям; разговор с ним об исполнении чего-нибудь легче, чем рассуждение о годности или негодности каких-нибудь учреждений. Он взялся распространять ваши

КОНСТАНТИНОПОЛЬ. ПЕРА, ЛЕСТНИЦА ЮКСЕК-КАЛДЫРЫМ

Фотография, конец 1880-х гг.

Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

издания, не спрашивая, что вы проведете, и если в чем недоволен на вас, так это, что вы не высылали ему книг и журналов для продажи. Сегодня он вздумал расспрашивать меня о Долгоруком⁶ и о Бакуине — я рассказал ему, в чем мы не сходимся с ними. Гончар выслушал внимательно и заключил сожалением, что умные люди не могут сойтись. Словом, это мешок — что положишь, то и несет, и в этом отношении он человек весьма драгоценный. Ему надо задать работу, предоставив подробности исполнения на его собственный произвол, — и он исполнит отлично.

Польское влияние на него теперь прекратилось, как вы и сами увидите; кроме нашего, другого нет да и не предвидится, — стало, надо ковать железо, пока горячо, тем более, что поповцы считают его каким-то

Маццини⁷, политических дел мастером, и без его совета едва ли решатся на какой шаг, особенно заграничные. Одна Москва не совсем зависима от его влияния, что для нас очень невыгодно, так как в настоящее время во всех политических и сектаторских соглашениях является стремление выйти из-под влияния заграничных деятелей. Это я уже замечаю на нашей молодежи, по ее отзывам о «Колоколе» и по *нежеланию* покупать заграничные издания; и по тому, что вам расскажет Гончар, вы увидите, что то же самое происходит и в их быту — спросите его, что случилось с белокриницким митрополитом Кириллой⁸. Но несмотря на это возбуждение деятельности и самостоятельности в России, значение Гончара все-таки остается огромным и почти равняется вашему. Обстоятельство это Гончар знает и очень благоговеет перед собой — выслушайте его рассказы, и вы увидите, как он смотрит на самого себя. Грешный человек, признаюсь, я пользовался и пользуюсь этой слабой струною старика и наигрываю на ней с большим успехом. Я с участием выслушиваю его жалобы, не спорю с ним ни в чем, не пускаюсь в противоречия, а между тем до сих пор делал и делаю из него все, что нужно. Приобретению его для нашего дела я придаю огромную важность и именно поэтому очень бы желал, чтоб он съездил к вам. Но не забудьте, что здесь, в Турции, существует в неприкосновенности старое гостеприимство, что поляки Замойский и Чарторыйские⁹ избавляли его своей дружбой, что Гончар ищет связей с важными и влиятельными людьми. Познакомьте его с стариком Маццини, с m-me Швабе¹⁰; если можно покажите его, как диковину, Кобдену¹¹, Мильн-Эдвардсу¹², Стансфельду¹³ и кому знаете; он любит рисоваться. Я вперед уверен, что он выйдет от вас совершенно очарованный вами, т. е. исполнителем каждого вашего предписания, и будет хвастаться знакомством с вами, как до сих пор хвастался Замойским и Чарторыйским; и если я вам указываю, чем бы вы могли окончательно завоевать его, то это только как роскошь ваших действий относительно его. Хитер и осторожен он свыше всякой меры, но ласковое слово имеет на него неотразимое влияние, и под его влиянием он становится и доверчив, и откровенен. Этот раз он приехал сюда сердитый на меня, с целью намылить мне голову за Разноцветова¹⁴, но теперь мы помирились, и он опять поверяет мне свои секреты. О Поликарпе¹⁵ ему ни слова. Я вижу, что он знает об нем, потому что он мне каждый раз задает от нем вопросы, но я ему нарочно не говорю ничего, чтобы он понял, что и я с ним хитрю, чтобы доставить ему удовольствие подумать, что его не проведут. О способе моей пропаганды он сам расскажет: я ничего ни ему, ни другим не проповедую во имя общих идей, во имя разума — я допрашиваю его об старине, об их порядках, выпытываю, что ему особенно нравится в наших народных учреждениях, и затем, осмысливая ему эти порядки и учреждения, возвожу их в принцип и даю как догмат. Эта система действует довольно удачно и имеет то преимущество, что народу кажется она своею, простою, божескою. Я испытал эту систему на Гончаре и на многих других, словесно и письменно. (Заметьте, что Гончару я почти не открываю моих связей, хотя и знаю, что ему все будет известно, что мимо его ничто не пройдет — своим мнимым недоверием я завоевываю его.)

Вообще, мне кажется, что его приезд и его личность должны сильно заинтересовать вас. Он вам откроет совершенно новый и любопытный мир идей и быта и освежит вас.

От личности Гончара перехожу к своей собственной. Я долго не писал вам, потому что все около меня крушилось и рушилось; были минуты, когда казалось, что все потеряно и что ни до чего не добьешься. Боюсь, что письмо затянется, но все-таки расскажу, что я пережил.

1) Пуще всего подкосило меня польское хвастовство об их здешнем значении и влиянии. Знай я вперед, что это влияние существует только

в их воображении, я не осмелился бы рассчитывать, что вилковское дело кончится скоро ¹⁶. Иордан ¹⁷ и К^о уверили меня, что все в их руках, а на деле оказалось, что они даже шагу не ступят, чтоб что-нибудь сделать, а если и ступят, то это не имеет ни на кого влияния. Веря им, я долго был слеп, и долго не хотелось мне разубеждаться; когда я должен был, наконец, понять их ничтожество, я взялся сам за дело и растолкал его так, что оно задвигалось и движется быстро. Я втерся теперь всюду, завален работой по горло, но с тем вместе должен был потребовать платы за свой труд, и об этом у меня идут теперь переговоры с вилковцами, которые и подходят к концу. Все это не совсем приятно.

2) Вы знаете, что они натрубили и мне и вам о своих связях на Кавказе. Поручить черкесам *продажу* ваших изданий, кажется, нельзя, потому что они и чересчур дики и не имеют обычая платить деньги; торговля у них дело неизвестное ¹⁸ — так, по крайней мере, говорит Иордан. Я ничего не знаю, потому что он порвал все мои сношения с черкесами, так как им преступно и подло было бы сноситься с врагом всего благородного и человеческого — с москалем. Не подумайте, что я преувеличиваю, и не сомневайтесь, что он умнейший и благороднейший и развитейший человек изо всей здешней эмиграции. Дело распространения изданий и прокламаций он все-таки не оставил, а взял его на себя — я не имел причины спорить с ним: шло бы дело, а я ли, другой ли будет работать — разницы нет. Дело и шло. Жил у него агент на Кавказе, 18-летний мальчик, беглый прапорщик Козерадзский ¹⁹ — человек, которого даже я, при всей моей снисходительности, не пустил бы к себе в дом — смесь Трубецкого ²⁰ с Эберманом ²¹, с примесью низкопоклонства *radam do pog* *. Этот несчастный был послан в горы агентом для распространения «Колокола» и для подания черкесам советов в образовании их правительства! Черкесы приняли его превосходно, даже слушались его, возили его как посланника из аула в аул. Козерадзский торжествовал и писал Иордану трогательнейшие письма, в которых называл его отцом и благодетелем, — одним словом. *все шло отлично. но на беду для нашей пропаганды посланный стал входить в конфуз: сапоги у него плохи, зрительной трубы нет, пистолетов нет и т. п., и вот, не предупредив Иордана, он решил съездить в Константинополь записаться всей этой важностью здесь (на счет эмиграции) и воротиться во всем величии в горы. Иордан взбесился, увидав его, но решился снова отправить, разумеется без зрительных труб; на этой вторичной отправке настаивал в особенности я, потому что нужно же было иметь там хоть простого приказчика. Козерадзский отправился, доехал до Трапезунда — и воротился. Почему он воротился, несмотря на все его подробные рассказы, я не понимаю. Не то у него денег не хватило, не то рекомендательные письма не подействовали, не то шанкр в горле — словом, на Кавказе нет более посланника, и все дело остановилось. Козерадзский теперь, кажется, уже в Польше или где-нибудь в Молдавии. На счастье, дело теперь как будто поправляется. На прошлой неделе три ссыльных поляка и один русский чиновник, замешанный в одном ребяческом политическом деле, бежали сюда из Саратова ²². Двое из них отправляются на Кавказ, но я еще не ручаюсь, что им разрешат заняться «Колоколом», хотя они весьма охотно взялись бы за это дело. Поляки здешние, т. е. Иордан, объявили мне на-днях, что так как мы не свергаем до сих пор Александра Николаевича с престола за его зверства в Польше и так как мы не приносили покаяния, так как мы окончательно оказываемся не людьми, а смесью обезьяны с гиеною и т. д., то все должно быть порвано с нами, что благородные люди не должны вмешиваться в дела подобных существ... Третьего дня он отказался переправить для меня*

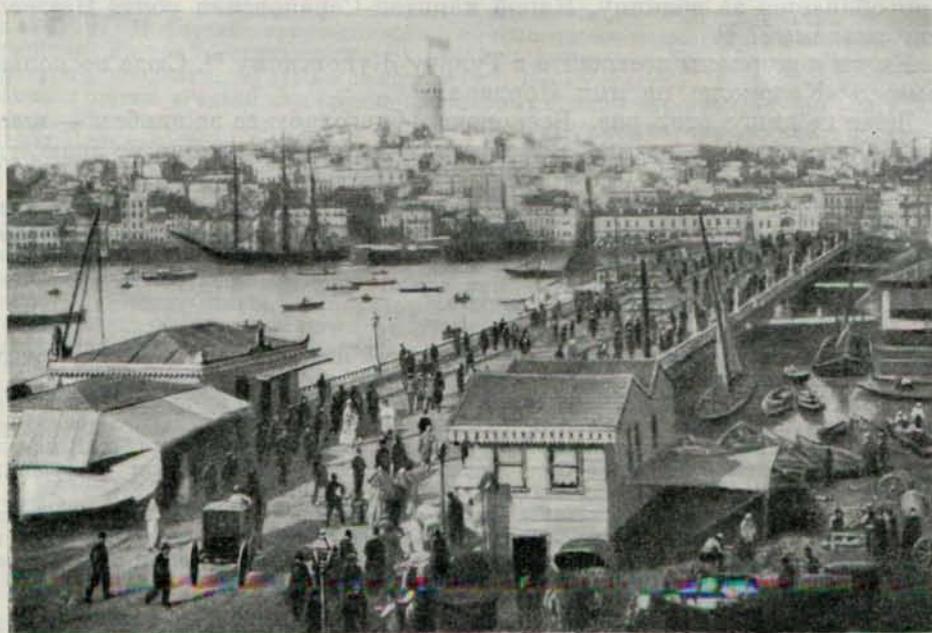
* принадлею к ногам (польск. — формула приветствия).

несколько прокламаций в Одессу, объясняя, что это уже не нужно для поляков, — и все это делается у нас при самых вежливых отношениях и при личном уважении ко мне и к вам. Если бы мне кто за год сказал, что подобные вещи возможны, — я назвал бы того или сумасшедшим, или клеветником, а теперь я только удивляюсь, и, не сердясь и не обижаясь, занимаюсь наблюдениями надо всеми этими выходками, как Александр Александрович над своими медузами²³. Но я, положим, поставил своей специальностью изучение всяких сект и умопомрачений — а если то же самое творилось и творится в Польше над нашими войсками? Кого судить тут и как судить? Разве страсти или кислоты и щелочи подлежат суду? Тут надо отстраниться и остаться зрителем, потому что вашего голоса не услышат, а если и услышат, то не послушают. Впрочем, отправляющиеся на Кавказ — люди толковые и не фанатики; я думаю, они сами настоят на распространении там «Колокола», и имею причины это думать.

3) С Гончаром чуть не вышло у меня раздора, т. е. я чуть не потерял его уважения, вследствие одного случая, которым я, впрочем, в глубине души весьма доволен. Не с кем было мне послать в Тульчу огромную пачку прокламаций, «Колокола» и письма: в подобных случаях я обыкновенно обращался к Иордану, а он отдавал посылки какому-нибудь поляку, который едет в Тульчу. На беду или на счастье — уже и решить не умею — попалась моя посылка некоему Разноцветову²⁴, добруджскому казаку, человеку, испивающему по три бутылки коньяку в день, но пьяным никогда не бывающему; это человек взбалмошный, забулдыга, удалой малый и личный враг Гончара. Любопытно стало ему, что у него за посылка, он ее распечатал и нашел сотни три «Слушной поры»²⁵. «Слушная пора» пришлась ему по вкусу, он возьми да по всем кабакам в Тульче и припей ее — поймите, какая катавасия из этого вышла. Народ смутился и, как говорит Гончар, стал роптать, что его тревожат до поры до времени, что еще рано и т. п. А Разноцветов между тем объявил во всеулышание, что он имеет поручение от «Земли и воли» собирать народ и вести его на Москву — учреждать земский собор. Нацепил он на себя саблю, сел на коня да и давай развезжать по Тульче воеводой. Все это творилось на Святой, спьяна, но волнение пошло большое, и листы наши распространились отлично. На счастье мое, письма, которые были в этой посылке и которые Разноцветов тоже распечатал, не содержали в себе никаких указаний, а одну догматику нашей проповеди. Но Гончар страшно рассердился на меня за эту штуку; приехал сюда очень надутый, долго делал мне намеки и укоризны, но теперь снова помирились и опять секретничаем. Он вам сам расскажет всю эту историю, а она наделала было мне страху, потому что грозила подкосить их доверие ко мне.

4) Но это всё дела уже конченные и исправленные — вот что хуже всего мучит меня. Старообрядцы хотят выслужиться. Они бьют челом монгольскому хану²⁶, готовясь отложиться от него при первой возможности, — это наша национальная политика, тут плетью обуха не перешибешь. Они хотят добиться лестью свободы веры, и поэтому они теперь все в заговоре — вести себя хорошо перед правительством. Это именно заговор, такой же заговор, как у мужиков — не соглашаться на грамоту, а ждать второй, золотой воли, если не от царя, то от Наполеона (это ожидание распространяется со дня на день, — я это знаю через новороссийских беглых)²⁷. Уже все было подготовлено, как я вам и писал, чтобы и статьи в «Вече» шли, и протесты, и были бы денежные сборы²⁸ — как вдруг Москва подала адрес²⁹ — и все мигом изменилось. Убеждения остались прежние, готовность помогать делу та же, но все тишком, негласно; долго ли это продержится — не знаю, но тут, что мы ни делаем, никакой демонстрации не вызовем — надо смириться и перетерпеть. Наши же прокламации они теперь употребляют друг против друга. У них идет теперь большая

«бунтания» с митрополитом, который ездил против их желания в Москву. Чтобы заставить его выбраться из Москвы, они припугнули его «Слушной порой». «Как ты, владыко святой, въехал в Москву, так и листы эти появились; уж не ты ли их поотбивал? уезжай-ка по добру по здорову, пока цел». Что вы тут сделаете? Одно что хорошо, что все-таки, благодаря этим адресам, теперь каждому, и старому и малому, стало известно, что их в чем-то оклеветали, что на что-то подбивали, а листы ходят своим чередом, а над адресом своим они сами подсмеиваются. Но это настроение старообрядцев пройдет и приведет нас к лучшему, а что выйдет из направления наших

КОНСТАНТИНОПОЛЬ, ГАЛАТСКИЙ МОСТ

Фотография, конец 1880-х гг.

Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

журналов и из общего настроения молодежи? Воля ваша, я тут вижу чрезвычайно мало утешительного. Во все и во вся въедается какое-то доктринерство, чопорное благоразумие — собачья старость. С упадком тона в журналистике — упала и мысль; точно все меняется на гроши. Неужели же отживается уже золотой век русской мысли и русского развития? Катков, должно быть, страшно силен или, по крайней мере, ловок — я вижу его влияние на морской молодежи³⁰. Прекрасные, преблагородные молодые люди ругают «Колокол» и не хотят читать его потому, будто бы, что вы описываете в нем какие-то семейные скандалы и т. п. Эта клевета имеет страшный успех. Торговля заграничными изданиями падает со дня на день, и я покуда не вижу, как поддержать ее. Тут нужен какой-то маневр, а какой — я не знаю. Одна надежда на староверов, на черноземную силу. Мы переживаем тяжелую, удушливую эпоху, духи вызываются, но образы их очень еще смутны, не разобрать, что они — Гавриилы или Мефистофели... Новостей нет. В России все спокойно. Народ ждет воли от французов. Польское восстание на Украине идет, по газетам, хорошо, а по частным известиям — народ против панов. Какое счастье для этой шляхты, что у нас все мирно. Наше восстание имело бы совершенно другой

характер — это были бы подвиги беспоповцев около Динабурга, действовавших чисто по-русски, по-разиновски и по-пугачевски³¹. Озлобление против поляков страшное³². В Саратове ссыльным полякам приятели их русские советовали выбираться до жаров, т. е. до пожаров, боясь, чтобы народ не разорвал их в клочья. В Новороссии, впрочем, народ смотрит на дело равнодушнее и, кажется, непрочь бы пристать к полякам, если бы они дали ему землю. На Дону что-то готовится, но что именно — не известно, а гул в народе идет.

Витольд Чарторыйский здесь — человек чахоточный, слабый, недеятельный. Гибель поляков стекается сюда со всего востока, едет в Тульчу и перебирается за границу. Какой капитан Сераковский убит? Неужели наш знакомый?³³

Книги и журналы посылайте в Тульчу Жуковскому³⁴. Сюда несколько номеров «Колокола» на имя Иордана.

Жене не пишу этот раз. Бесконечно благодарю ее за альбом — жаль только, что нет ее портрета. Брата думаю выручить, только не знаю, где он³⁵.

Затем до следующего письма — я страшно утомлен, особенно этим вилковским делом, которое отнимает у меня и лучшее время и лучшие силы. Прощайте, крепко обнимаю вас.

Р. С. Гончар явится к Чернецкому:

¹ Осип Семенович *Гончаров* (он же Гончар). О нем и о его поездке в Лондон см. в публикуемых выше письмах его к Герцену и Огареву.

² Граф Андрей *Замойский* — крупный землевладелец, один из видных представителей аристократического крыла польского национально-освободительного движения. Противник наделения крестьян землей и массовой освободительной борьбы. В начале польского восстания Замойский был выслан русским правительством за границу и поселился в Париже.

³ Валериан *Калинка* — польский историк, секретарь Чарторыйского (см. примеч. 9). Вместе с Бакуниным участвовал в известной морской экспедиции в 1863 г.

⁴ *Косилковский* — бывший офицер русской армии, был тесно связан с главарями польской аристократической эмиграции, субинспектор польской Батиньольской школы в Париже.

⁵ «*Золотая воля*» — та настоящая воля, которую ожидали крестьяне, т. е. действительная и полная ликвидация феодальных отношений, а не реформа 1861 г., проведенная крепостниками. Лозунг «золотой воли» был популярен в народе во время массовых движений начала шестидесятых годов.

⁶ Петр Владимирович *Долгоруков* (см. о нем на стр. 126—132 настоящ. тома) одним из первых, среди деятелей эмиграции, в политических целях предпринял шаги для связи с верхушкой старообрядчества белокриницкого толка. Гончаров, ввиду умеренности взглядов Долгорукова, повидимому, больше дорожил контактом с ним, чем с Герценом.

⁷ Джузеппе *Маццини* (см. ниже в настоящем томе его письма к Герцену).

⁸ *Кирилл* (Киприан Тимофеев) — второй митрополит белокриницкой («австрийской») иерархии. Желая укрепить свое положение главы старообрядческой («поповицкой») церкви, Кирилл в начале 1863 г. предпринял поездку в Москву. Здесь его отношения с конкурентами достигли крайней остроты. Во главе противников Кирилла стоял епископ владимирский Антоний, претендовавший на управление всероссийскими церковными делами. По инициативе Антония, Собор российских старообрядческих епископов в Москве в «Объявлении» 28 февраля, перечислив проступки Кирилла и его подручного — архимандрита Сергия, указал, что Кирилл не может управлять делами российских епархий, «не согласуясь» с епископами, находившимися в России. «Объявление» грозило Кириллу отлучением и запрещало ему и архимандриту Сергию священнослужение. 10 марта Собор предложил митрополиту Кириллу немедленно выехать из Москвы. Неудачу белокриницкого митрополита Кирилла в Москве и имел в виду Кельсиев.

⁹ Владислав *Замойский* и Владислав и Витольд *Чарторыйские* — видные представители польской аристократической эмиграции в Турции. Они были противниками народного движения и ориентировались на интервенцию западных держав. О политической деятельности Замойского и Чарторыйских и об их так называемых «партиях» Кельсиев много писал в «Исповеди» (стр. 348, 349, 364 и др.), в статье «Польские агенты в Царьграде» («Русский вестник», 1869, № 9, стр. 297) и в других сочинениях.

¹⁰ М-ме *Швабе* (полная фамилия — Салис-Швабе) — лондонская приятельница семьи Герцена.

¹¹ Ричард *Кобден* — английский текстильный фабрикант, политический деятель, либерал.

¹² Анри *Мильт-Эдвардс* — французский ученый-естествоиспытатель.

¹³ *Джемс Станфелд* — английский политический деятель, либерал, член Палаты общин. В 1863 г. он был лордом адмиралтейства.

¹⁴ Об инциденте с *Разноцветовым* см. примеч. 24 к этому же письму.

¹⁵ *Поликарп* — Поликарп Петрович Овчинников. Под этим своим «мирским» именем, в звании кагульского купца 1-й гильдии, тайно приезжал в Лондон в конце 1861 г. старообрядец Пафнутий, епископ коломенский (1827—1907). С ноября 1861 по январь 1862 г. Пафнутий встречался с Герценом, Огаревым, Кельсиевым, Бакуниным и другими; встречи эти описаны Кельсиевым в «Исповеди» (стр. 298—307). В 1865 г. Пафнутий присоединился к господствовавшей церкви и начал вести агитацию против раскольников. Вместе с реакционным профессором Московской духовной академии, будущим сподвижником Победоносцева, Н. И. Субботиным, он написал статью «Раскол как орудие враждебных России партий» (отд. изд., М., 1866), в которой встреча с Герценом в Лондоне и другие факты изображены искаженно и в реакционном духе. В конце семидесятых годов Пафнутий вновь вернулся в старообрядчество.

¹⁶ *Вилковское дело* — дело о рыбных ловлях, принадлежавших селу Вилково. Это село, расположенное на левом берегу Дуная, было населено русскими. После объединения Молдавии и Валахии в полусамостоятельное румынское государство, село перешло к Молдавии, а ловли остались за Турцией. Через своего поверенного — С. И. Васильева, помощником которого стал Кельсиев, вилковцы вели длительные хлопоты в Константинополе о разрешении им пользоваться ловлями попрежнему. Вилковское дело давало Кельсиеву денежные средства, в которых он очень нуждался. Однако участие Кельсиева в вилковском деле, помимо материальной заинтересованности, диктовалось, по его признанию, и другими соображениями: «Мне хотелось убедить фактом турецких русских в нашем влиянии, захватить их дела в наши руки, быть им полезными и таким образом сделать их орудием наших планов» («Исповедь», стр. 368).

¹⁷ Владислав *Иордан* — полковник, один из польских эмигрантов-аристократов, принадлежавших к «партии» Чарторыйского (см. о нем в «Исповеди», стр. 354). Учитывая большое влияние Иордана на государственных деятелей Турции, Кельсиев надеялся с его помощью быстро закончить дело вилковцев.

¹⁸ Кельсиев имеет в виду эмигрантов-черкесов, живших в Константинополе. *Надеясь транспортировать лондонские революционные издания через Кавказ*, Кельсиев рассчитывал, что таким образом эти издания будут доходить до населения России, в частности — до казаков.

¹⁹ Характеристику *Козерадского*. Кельсиев дал в «Исповеди»: «Это был мальчик не старше девятнадцати лет, крохотный и умом и ростом, который напракажил что-то в полку и бежал из Одессы в Царград без всяких целей — просто по глупости» (стр. 360). Козерадский находился в полной материальной зависимости от Иордана; тот отправил его на Кавказ агитировать против России за союз с польскими националистами, в интересах их подлинных хозяев — французской и английской буржуазии.

²⁰ Николай Платонович *Трубецкой* — князь, штабс-капитан гвардейской артиллерии. В конце 1860 г. он прибыл в Лондон и поступил в типографию Герцена наборщиком. В семидесятых годах Трубецкой оказался в России. Сведения о его жизни отрывочны и противоречивы. Они собраны в статье М. Клевенского «Герцен-издатель и его сотрудники» («Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 609).

²¹ Владимир Михайлович *Эберман* (1842—?) — английский подданный, уроженец Нижнего-Новгорода. В юности он выехал за границу и был наборщиком у Герцена, пока не стало известно, что он предлагал свои услуги русскому правительству в качестве секретного осведомителя. Впоследствии Эберман был учителем в Тульче в молочноканской школе, в которой работали и братья Кельсиевы. Герцен предлагал удалить его оттуда как шпиона русского правительства. О своем отношении к Эберману и об отношении к нему Герцена Кельсиев подробнее говорит в «Исповеди» (цит. изд., стр. 291, 379 и др.). В 1866 г. Эберман возвратился в Россию.

²² *Три ссыльных поляка* — это два брата Сливовские и Сташевский. — *Один русский чиновник* — Заборовский. В апреле 1863 г. они бежали из Саратова в Турцию. Один из братьев Сливовских сделался секретарем франко-польской экспедиции на Кавказ; впоследствии он жил в Тульче и работал с Кельсиевым в школе. В 1867 г., когда Кельсиев вернулся в Россию, Сливовский находился в Молдавии. Константин Заборовский до эмиграции работал писцом в Саратовском уездном казначействе. После своего бегства в Турцию дважды в течение того же 1863 г. пытался нелегально проникнуть в Россию с агитационными целями и был задержан русскими властями: первый раз в Одессе, второй — в Керчи. На следствии Заборовский признался, что в Константинополе он был связан с Кельсиевым.

²³ Сын Герцена, Александр Александрович, был естествоиспытателем.

²⁴ Григорий Михайлович *Разноцветов* — один из зажиточных казаков в Добрудже. Он служил в казацком полку, сформированном во время русско-турецкой войны польско-украинским националистом Чайковским для действий против русских войск; там он дослужился до чина поручика. Об инциденте с Разноцветовым Кельсиев писал в «Исповеди» (стр. 362) и в статье «Польские агенты в Царьграде» («Русский вестник», 1870, № 1, стр. 263).

²⁵ «*Слушная пора*» — одна из основных революционных прокламаций «Земли и воли», датирована 19 февраля 1863 г. См. о ней во вступительной статье.

²⁶ *Монгольский хан* — русский царь Александр II.

²⁷ Кельсиев имеет в виду дошедшие до него слухи о том, что в некоторых местах крестьяне совершенно неосновательно надеялись на благоприятное для них вмешательство Наполеона III.

²⁸ Издатели «Общего веча» призывали посылать в журнал статьи и протесты по поводу притеснений со стороны правительства и господствующей церкви, а также деньги в фонд, созданный для помощи революционерам и для развертывания революционной агитации.

²⁹ Речь идет о верноподданническом адресе Александру II от главарей московского старообрядчества (в том числе крупнейших московских купцов). О нем писалось в журнале «Общее вече» № 18 от 18 июня 1863 г.

³⁰ Кельсиев, вероятно, имеет в виду молодых офицеров русского морского флота, с которыми он мог встречаться в Константинополе.

³¹ Речь идет о выступлениях крестьян в Белоруссии, Литве, Латвии и других западных районах России против местных помещиков. О выступлениях крестьян старообрядцев-беспоповцев в районе Динабурга (Даугавпилс, Латвия) писалось в «Общем веча», № 17 от 1 июня и № 19 от 10 июля 1863 г.

³² Не разобравшись в социальной основе движения, как движения, в первую очередь, антикрепостнического и трактуя его лишь как национальное, Кельсиев повторяет здесь реакционный вымысел буржуазно-дворянской печати.

³³ Имеется в виду Сигизмунд Игнатьевич *Сераковский* (1826—1863) — один из видных руководителей демократического крыла восстания в Польше и Литве, друг Чернышевского и Герцена. В результате тяжелого ранения, полученного в бою, Сераковский был взят в плен русскими войсками и казнен 27 июня 1863 г. Герцен посвятил ему несколько статей (XVI, 406 и др.).

³⁴ *Жуковский* — майор, польский эмигрант. Служил в Тульче агентом во французской компании почтово-пассажирских сообщений «*Messageries impériales*». Через него пересылались письма и печатные издания русской эмиграции (см. «Исповедь», стр. 389 и ответы В. Кельсиева на вопросы следственной комиссии — там же, стр. 431—432). Возможно, что Жуковский был секретным осведомителем царского правительства (XVIII, 160).

³⁵ Когда Василий Кельсиев писал это письмо, брат его Иван уже совершил побег из московской тюрьмы и тайно жил в Москве, готовясь к отъезду за границу. Приехал он в Константинополь и встретился с Василием Кельсиевым в июле 1863 г. Подробнее об этом см. в настоящем томе, в публикации писем Ивана Кельсиева.

3

$\frac{20 \text{ июня}}{2 \text{ июля}}$ 1863. Константинополь

И бедный наш Абихт тоже погиб ¹. Теперь чья очередь? А здесь у меня на глазах каждый день то тот, то другой отправляется на убой, или, что еще хуже, на агитаторство. Сделал все возможное, чтобы остановить одного девятнадцатилетнего мальчика, который отправляется в Новороссию, на Дон и на Волгу агитаторствовать — не слушает и едет, не зная ни вопросов, ни дела, не имея ни образования, ничего, кроме детского огня и чистоты ².

А между тем, я даже и не знаю, время ли теперь какой-нибудь подспудной деятельности, нужна ли «Земля и воля» и все прокламации. Взгляните, как все свернуло в другую сторону. Исчезли сословия, партии, направления, все слилось в одно целое, и если куда примыкает, то это, без сомнения, к заявлению московской молодежи, вызванному «Днем» ³. По-моему, это заявление должно иметь громадную важность: оно сблизит равно и «День» и «Современник», и Каткова и Павлова; мало того, к нему легко пристегнутся и старообрядцы и мужики *, кто хотите. Духи,

* В подлиннике: мужиков.—Ред.

К молодому поколению

Въ Сентябръ 1861 года

К молодому поколению
Печатано без цензуры въ С^вт. Петербургѣ въ Сентябръ 1861 года

Для буду въ роковое время
Козориче угражданана самъ,
И подражать тебѣ иль мимическое пиеси
Керидовивививив Славянъ?
Ничто не способенъ и вводитьъ лия аидострастна,
Для постыдной правды выливъ свой языкъ шадой
И иль свать кичичиско души
Кодъ тмечкиши илючъ самовивастной.
Пусть юности, не ралодавъ судьбы
Постигнутъ илючкити иудеиалкаренна вѣна!

= L =

ПРОКЛАМАЦІЯ «К МОЛОДОМУ ПОКОЛЕНІЮ». СПИСОК, СОХРАНИВШІЙСЯ
В БУМАГАХЪ ГЕРЦЕНА. 1861 г.

Листы первый и второй

Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

действительно, выкликнуты, и многие из них намекали на земский собор, на свободу слова и т. п., но дело в том, что они ждут всего этого от правительства, а не от собственных сил. Что это? или это народный смысл, отеческое предание — или вековое рабство? Я думаю, что это чистый расчет, так как реформы сверху обойдутся несравненно дешевле реформ снизу. На поляков злятся пуще всего за то, что они остановили ход спокойного внутреннего развития. Народ ловит агитаторов, как в Тамбовской губернии⁴, оттого, что они враги царя, т. е. отвлекают его от занятий и советуют народу пуститься на рисковое, вместо верного, сулят журавля в небе, предлагая упустить синицу из рук. Не знаю, как вам видно из ваших краев, а отсюда я чувю недобрый конец «Земли и воли». Все комитеты, которые я завел было с целью примкнуть их к общей организации, пошатнулись и пали духом⁵. Если что и осталось — то разве из боязни ренегатства, но ни энергии, ни деятельности ждать нечего. Можно бы еще обратиться к крайне юной молодежи, но это не стоит того, а все, что посерьезнее, положительно отшатывается. «Колокола» и листов у меня теперь никто не просит, а если и просит, то просто от нечего делать почитать или из вежливости; критиковать «Колокол» начинают смелей, придираясь к словам и подкапываясь под недомолвки — видно, что прежнее безусловное доверие потеряно, вследствие нападок Каткова и К⁰. И не забудьте, что я рассказываю вам все это о людях, весьма и весьма неглупых и порядочных, но это-то меня и бесит, поэтому-то я и заключаю, что дух времени чересчур силен. Тут решается вопрос громадной важности: «Заявление» молодежи, т. е. славянофилы во главе движения—или «Земля и воля», т. е. революционеры. Есть ли у революционеров какие шансы осилить славянофилов, заслужить доверие публики и народа, есть ли у них уменье на это? Перейдет ли книжное и отвлеченное изложение их догматов в народное сознание? Можно ли верить в успех людей, которые самой народной пропаганде сумели, в прокламациях своих, придать что-то иностранное, западноевропейское? Что они ни пиши, что они ни проповедают, но во всех их словах, волей или неволей, вы читаете между строк не столько желание земли и воли для народа, сколько желание подышать революцией, разыграть конвенты, гильотину, Jeu de rauche *⁶. У них средство затемняет цель, республика дорожке им самого дела. Об них едва ли нельзя сказать того же, что А. И. говорит о героях 48 года, разница только в том, что наши развитее, но подкладка одна и та же. И вот почему народ не сочувствует им и называет их смутниками, возмутителями. А теперь посмотрите, как ловко принялся за дело Аксаков⁷. Без тайных обществ, без фраз, не задевая монархизма и не вызывая никого на риск, он добьется той же «Земли и воли», того же земского собора и отделения Польши. Что он не согласен на отделение западных губерний — это еще не беда; он верит, что они вполне русские, да вдобавок, что Россия даст им больше, чем Польша, что отдать их Польше на основании требования дворянства было бы несправедливо. Но допустим, что он и неправ, зато он народен и, следовательно, силен. Что ему дает особую, страшную силу — это его объявление врагом народа всякого, кто добивается кровавого переворота; этим он приобретет сочувствие и дворян, и народа, и правительства, потому что все боится революции, а страх революции уже создавал у нас молодежь, катковствующую и чичеринствующую. Молодежь готова была пристать куда и к кому угодно, только бы не к революционерам, и шла за всяким, кто подымал знамя. Теперь Катков и К⁰ едва ли не убиты; разве они изменятся, что тоже в настоящее время возможно. Что же остается делать «Земле и воле»? Борьба ее будет совершенно напрасна и разве задержит мирное развитие, к которому адресу вынуж-

* игру в мяч (франц.).

дают правительство. Я верю и понимаю, что шесть человек⁸ могут нарушить европейское равновесие, но для этого необходимо, чтоб они веровали тому же, чему веруют массы, и чтобы не отличались от масс ни в выборе средств ни в определении цели. Тогда самый неразвитый человек, при известной доле энергии, увлечет за собою толпу. Отчего польские и венгерские отцы отечества — такие ничтожные личности в наших глазах, что нам с ними даже говорить скучно? Дело не в их личности, а в их сочувствии стремлениям масс, и они могут потрясти мир, тогда как мы, титаны в отношении их по нашему пониманию и развитию, — мы бессильны. Точно так и «Земля и воля». Она — чужая народу: ее последователи или не русские или не нынешнего поколения. Славянофилы действительно чувствуют то же, что и народ, и поэтому сильны. А тут и возникает *to be or not to be* *. С кем из них идти — с тем ли, кто правее, или с тем, кто толковей. Тут середины нет, но при выборе невольное приходит на память «Молодая Россия», которая по-своему была очень права и в то же время крайне неприложима. «Земля и воля» умеренней, но вы слышите, как к ней относятся, и невольные сомнения закрадываются: мессия это, который нас спасет, или просто искренний визионер, искренно обманывающий и себя и нас.

Если вы провидите эти тайны, разрешите их и мне, да и в «Колоколе», а то руки опускаются, и делать не знаешь что начать; все сдаётся, что роль сыграна, по крайней мере старой роли нечего продолжать, разве из желания выносить поминутные *fiasco*. Новое время — новый способ деятельности, старый никуда не годится. Напишите, как у вас идет продажа «Колокола», а особенно узнайте, как идут дела у Долгорукова, Бломмера⁹ и братии. Здесь торговля совершенно прекратилась, и никто ничего не берет; вопрос в том: вы одни поражены этим застоём или и прочие. На листы народ начинает смотреть как-то враждебно. Я недавно слышал от поклонников жалобу, что поляки «больно прокудничают», всяких листов пораспускали в народ и уж так-то все хают да хают, что народ на них крепко зол. Потом ходят слухи, что много русских передались полякам с тем, чтоб бунтовать народ, поджигать, убивать. Ходят слухи, что иностранцы из зависти к России наняли каких-то людей писать письма народу и т. п. Что вы тут сделаете с этой стихийной силой, разве — укреплять правительство? Исход? Исход? Надо же идти с кем-нибудь, а «Земля и воля» отжила свой век. Страшно подумать, что это могло случиться — столько напрасных усилий и жертв, — а на деле выходит так. Скажите же, как тут быть и что тут делать?

Новостей у меня здесь нет — разве эмиграционные польские сплетни, которые нечего и рассказывать. У поповщины идет буря. Митрополит Кирилла с Сергием чуть не отлучены от церкви за самовольную поездку в Москву¹⁰ без спросу собора, так как ни один епископ не имеет права покидать своей епархии. Белая Криница — дело конченное. В ней нуждались и клали на нее капиталы только покуда не развелось епископов в России, а когда их поразвелось достаточно — значение митрополита пропало. Митрополит, однако, не хотел уступить своего значения главы церкви и постоянно вмешивался в московские дела, и вмешивался всегда некстати, чем подготовил против себя общее раздражение. Главный недостаток церковного их устройства состоит в недостатке главы церкви в России, т. е. патриарха или митрополита в Москве, чтоб был *хозяин*, как они говорят. Кирилла года два тому назад поставил было им Антония Владимирского¹¹, но Антоний не был принят, потому что Кирилла поставил его без совета прочих владык. Нынешнюю зиму вопрос поднялся снова, и Кирилла имел неосторожность сунуться в Москву без соборного зазыва —

* быть или не быть (англ.).

это его окончательно погубило. На беду его, его приезд сопровождался появлением воззваний, которые как-то приписали ему. Теперь дело его плохо. Он устранен собором от дел, а по русскому настоянию австрийское правительство нарядило над ним следствие, в котором его будут допрашивать обо всем его путешествии, где и у кого останавливался. Дело выйдет дурное, и хорошо бы, если б вы напечатали в «Общем вече» эту историю ¹². Что здесь всего безобразней — это неосторожность нашего правительства подымать гонение на старообрядцев именно когда они подают ему адреса. Кстати. Откуда идет этот слух о школах? У них почти вовсе нет школ, что же тут осматривать? Или разве нельзя просто и прямо дать им свободу вероисповедания?

Непричастие Кириллы к революционным делам можете объявить смело и прямо: я не входил с ним ни в какие сношения именно потому, что он не имел и не имеет голоса и что вся задача поповщины состоит в настоящее время именно в том, чтобы покончить с Белой Кривицей, так как в ней более нет нужды. Белая Кривица — дело истории.

Еще расскажу вам вещь — только это к сведению. Не знаю, какого вы мнения об этом соединении польского дела с черкесским. Я вижу тут только лишнее запутывание польского вопроса. Эти адреса Виктории, эти митинги ¹³ наделали черкесам гибель зла, а именно: заставили наши войска усерднее заняться покорением левого фланга. Помните, я вам писал об ярлыках, припшпленных к трупам убитых стариков и детей, в которых говорилось: пускай вам теперь помогает английская королева, и т. п. ¹⁴ Это навело такой ужас на черкесов, что они чуть-чуть не порвали с Иорданом. Здешняия черкесская политическая эмиграция, нечто вроде польской, сумела, однако, поддержать дело, но народ смотрит на него совершенно иначе. Почти каждый день народ бежит в Турцию, по 80, по 100, по 150 семейств, так что черноморский берег, вероятно, скоро совершенно опустеет, и Кавказ покорится сам собою ¹⁵. Оно и лучше, по крайней мере один конец будет, а то агония слишком тяжела.

Тем не менее, Иордан все-таки работает: он уже давно прискивает какого-нибудь офицера, который бы устроил в горах польские отряды из беглых солдат и сделал бы этим и помощь черкесам и диверсию. Нашелся один и скоро едет ¹⁶. Не знаю, посылать мне с ним листы или не стоит того; человек-то он очень способный, но следует ли нам долее связывать наше дело с польским, когда эта связь возбуждает общее негодование, т. е. портит наше собственное дело? Знаю, что справедливость требует этой связи, но не всякая истина приложима. Вы видите, в какой загадке я стою: я путаюсь совершенно ввиду совершающихся событий — да и не я один... Если у вас есть практическое разрешение, давайте его немедленно в «Колоколе», а то, право, становисья похожим на римского философа, окруженного назаремаи. Если уж действительно «другие люди в мир припли» — останется только подавать на высочайшее имя прошение, соблаговолите, дескать, сослать в Камчатку на вечное поселение; и если соблаговолят, т. е. если будет возможность миновать крепость или петлю, то больше ничего не останется; не жить же за границей из одной оппозиции, и из оппозиции бессильной, а Камчатка все же — своя сторона. Как бы я хотел, чтоб у вас нашелся ответ! Но едва ли.

Покуда пройдет этот дикий взрыв любви к государству, много воды утечет, а правительство так и сыплет реформами. И отменение телесных наказаний, и учреждение народной стражи ¹⁷, и близкая надежда на земский собор. Оно при всяких запрещениях несчастного «Времени» ¹⁸, при всем своем свирепстве в Польше, при всех мерзостях завоевывает и завоевывает народ, а тут еще и публика передалась ему. И эта передача, внося в него новые силы, ободряя его нравственною поддержкой и заверяя, что не вступит в борьбу с ним, заставит его идти быстрее и смелее вперед.

Баба... а дело идет своим чередом. Не мытьем, так катаньем, а свое возьмет, и Россия превратится в такую же монархическую республику, как Англия, с такими же фиктивными и обрядными учреждениями.

Письмо мое чересчур вытянулось, а то порассказал бы вам кое-что о Чайковском, Садыке-паше, — вот тоже личность-то! Этакой мы еще не видали, но об нем до следующего раза ¹⁹.

Кланяйтесь моей бедной, несчастной жене и ради всего святого подержите ее еще немножко. Знаю, что я не имею на это никакого права и что я злоупотребляю вашей дружбой, но это проклятое вилковское дело связало меня так по рукам и по ногам, что и шевельнуться нельзя. Бросить его — жаль, значит потерять заработанное; держусь же только потому, что жду близкого конца. Теперь дело все стоит за созванием конференции посланников, которая уже подтасована, и все посланники, а равно и их секретари, обещали написать туркам весьма энергичную ноту, — я всех их лично расшевелил, ко всем вхож, кроме, разумеется, русского, с которым ведет дело сам Семен ²⁰.

Кланяйтесь низко всем вашим. Только как же они расползлись — кто в Италии, кто в Швеции, а я в Турции. Крепко обнимаю вас.

В. Кельсиев

¹ Генрих *Абихт* — поляк, участник восстания 1863 г., казнен в Варшаве. Одно время, в 1858—1859 гг., уже эмигрантом, Абихт работал в типографии Герцена в качестве наборщика. На его казнь Герцен отозвался в «Колоколе» гневной статьей «Подлые» (XVI, 311—312). Впоследствии Кельсиев посвятил ему статью: «Эмигрант Абихт» («Русский вестник», 1869, кн. 1, стр. 228—251), которую Герцен назвал «отвратительною» (XXI, 328).

² Речь идет о Константине *Заборовском* (см. о нем в письмах №№ 2 и 4 и примеч. к ним), о его первой попытке — после того, как он эмигрировал — проникнуть в Россию через Одессу.

³ «*День*» — еженедельная газета славянофильского направления; издавалась в Москве И. С. Аксаковым с октября 1861 г. О заявлении группы московских студентов в газету «День» в 1863 г. Герцен писал в «Колоколе» (XVI, 326). «Заявление» отнюдь не выражало политических настроений большинства студенчества. Оно было написано от имени тех студентов, которые отрекались от идейной связи с революционной эмиграцией и принимали славянофильскую программу; оно было признаком глубокой дифференциации, происходившей в студенческой среде (см. об этом в материалах следственного дела П. А. Шипова и И. И. Кельсиева, опубликованных в издании «Политические процессы 60-х годов», под ред. Б. П. Козьмина). Отзыв Кельсиева о «Дне» сделан им как раз в то время, когда Герцен вел энергичную борьбу с этим органом, клеветавшим на революционеров и их дело.

⁴ О поимке агитаторов-поляков в Тамбовской губернии, при участии некоего старообрядца М. Кораушева, писали в 1863 г. старообрядцы Спасского уезда Тамбовской губернии в своем верноподданническом адресе царю (XVI, 394).

⁵ Кельсиев, очевидно, имеет в виду те связи, которые он установил с отдельными представителями общественного движения в Москве и Петербурге во время своего нелегального пребывания в России весной и летом 1862 г.

⁶ Имеется в виду известное выступление депутатов Национального собрания Франции 20 июня 1789 г. в «зале для игры в мяч», где они собрались после того, как по приказу Людовика XVI был закрыт зал заседаний. Здесь депутаты дали клятву не расходиться, не добившись конституции.

⁷ Речь идет об И. С. *Аксакове* и его реакционной националистической позиции, которая особенно четко проявилась во время польского восстания 1863 г.

⁸ Очевидно подразумевается «Русский центральный народный комитет» общества «Земля и воля».

⁹ О Л. П. *Блюммере* см. ниже, в отделе «Аннотации».

¹⁰ О поездке белокрыницкого митрополита Кирилла и архимандрита Сергия в Москву в 1863 г. см. примеч. 8 к предыдущему письму.

¹¹ *Антоний Владимирский* (Андрей Илларионович Шутов) — бывший беспоповец, казначей Преображенской федосеевской общины в Москве. Перейдя в поповщину, Антоний принял сан владимирского и московского епископа и управлял общероссийскими делами старообрядческой церкви. В результате внутренней борьбы среди старообрядцев он был временно отстранен от дел. После поражения, понесенного митрополитом Кириллом в 1863 г. в Москве, Антоний, главный конкурент Кирилла, вновь стал наиболее влиятельным лицом в старообрядчестве поповщинского согласия.

¹² В «Общем вечае», № 21 от 1 сентября 1863 г. помещена статья Огарева «О вводе во искушение (Письмо к старообрядцам поповщинского согласия)». В статье специально рассматривается конфликт между московскими старообрядцами и митрополитом Кириллом.

¹³ *Эти адреса Виктории, эти митинги...* — имеется в виду ряд враждебных России фальшивых политических демонстраций, инспирированных польскими эмигрантами-аристократами (Иорданом и др.), действовавшими как прислужники Англии, агенты ее захватнической политики. Адрес «черкесов» английской королеве Виктории был составлен в связи с поездкой «делегации» черкесов и абхазцев в Лондон в конце 1862 г. Обращение также было инспирировано представителями польских эмигрантов-аристократов. Целью «делегации» являлось предложить Англии вмешаться в войну на Кавказе. «Делегация» состояла из трех стариков и возглавлялась (в Англии) известным авантюристом, полковником Т. Лапинским (см. о нем примеч. 2 к следующему письму).

¹⁴ Об этих вымышленных или чрезвычайно раздутых французской и английской вражеской пропагандой записках Кельсиев подробнее говорит в «Исповеди» (стр. 359).

¹⁵ Эмигрировала в Турцию во время войны преимущественно феодальная и родовая верхушка горцев северо-западного Кавказа. Проводя свою антинародную политику, черкесы-феодалы сопротивлялись присоединению Кавказа к России и потерпели поражение в войне.

¹⁶ По всей вероятности, *Сливовский* (см. примеч. 22 к предыдущему письму). Летом 1863 г. он был секретарем в экспедиции поляков и французов на Кавказ под предводительством Превлдовского («Исповедь», стр. 360).

¹⁷ Отмена телесных наказаний была объявлена законом 17 апреля 1863 г. Однако, согласно этому закону, телесным наказаниям могли быть подвергнуты крестьяне по приговорам волостных судов, а также штрафные солдаты и матросы, каторжане и ссыльнопоселенцы.

Упоминание Кельсиева о народной страже, видимо, вызвано было начавшимися реформами в области устройства армии и полиции. В первую очередь, согласно манифесту от 1 сентября 1862 г., были изменены условия рекрутского набора; кроме того, производились и некоторые преобразования полиции (указ от 25 декабря 1862 г.).

¹⁸ Издававшийся братьями Достоевскими «почвеннический» журнал «Время» был запрещен из-за статьи Н. Н. Страхова «Роковой вопрос», напечатанной в апрельской книжке 1863 г. В статье по недоразумению было усмотрено проявление сочувствия польским повстанцам.

¹⁹ Михаил Илларионович *Чайковский* (1804—1886) — польский помещик на Украине. Принимал участие в восстаниях 1830—1831 гг.; после разгрома эмигрировал, жил в Иариче, где солился с «партией» тарторийского. Перешел на сторону врагов украинского и русского народа, агентов и проводников турецкой и французской захватнической политики. Поселившись в Турции, принял магометанство и имя *Садых-паша*.

В отличие от других польских реакционно-националистических деятелей, Чайковский был не чужд украинского дворянского национализма, проявлявшегося в идеализации казачества и казацкого «вольного» быта. В 1872 г. Чайковский получил разрешение вернуться в Россию, принял православие и поселился в Киеве.

²⁰ *Семен*—Семен Ильич Васильев, поверенный вилковцев. — О *вилковском деле* см. примеч. 16 к предыдущему письму.

4

(Константинополь.) $\frac{11}{23}$ июля 1863

Эти дни я совершенно ошеломлен и никак не могу придти в себя — передо мной сидит мой брат, который налетел на меня, как снег на голову¹. Я под рукой тишком подготавливал его бегство и ждал его не раньше, как недель через шесть, а он, не дожидаясь моих содействий, сам вышил окно в своей тюрьме и ушел. Из его письма вы узнаете подробности. Приезду его я очень рад — и лично и для дела. У него много энергии, желания быть полезным, а главное — есть связи. Еще бы жена да дочурка явились сюда, и жизнь моя была бы совершенно полна.

Наконец, листы, «Колокол» и проч. в моих руках. Чудак Л.² оставил их в Париже, а из Парижа прислали их сюда, не предупредив, какого рода посылка, и ящик чуть-чуть не попал в цензуру, т. е. чуть-чуть не подвергся сожжению. Счастье только спасло его. С этим Л. случилась здесь весьма глупая история. Вы знаете, что он вез 200 карабинов черкесам.

Демократы здешние, устраивавшие тульчинскую экспедицию, уговорили его отдать им эти карабины для польского дела, не спрашивая черкесов. Я. имел слабость уступить им, чем сильно уронил и себя и их в глазах черкесов, которые, узнав дело, объявили, что они и добром отдали бы это оружие полякам. Как бы то ни было, карабины отправились из Константинополя в числе 200, а в Тульчу приехали, превратившись, каким-то чудом контрабандиста-грека, в виде 40 старых русских ружей. Исход экспедиции вы знаете; устроить ее безобразнее было бы мудрено. В ней участвовало 300 человек под предводительством Милковского³ и некоего полковника Лаского, личности весьма посредственной. Израсходовано на нее 400 000 франков. Повстанцы были одеты в мундиры, шли с оружием, толпой — и все это в такое время, когда можно было бы хоть целую армию провести в Польшу, одев ее просто мужиками, жнецами или косарями. Устраивали дело демократы партии Высоцкого. Высоцкий, бывший месяца три военным министром при народном правительстве, поручил дело своим здешним агентам, Сокольскому и Валерию Пржевлонскому, и дал им патенты на агентство. Из этого происходили здесь прекомичные сцены и ссоры. Кто здесь польский агент? Йордан, который утвержден Народным правительством через Чарторыйских, или Сокольский? Кончилось дело ссорами, попреками — а первый блин вышел комом.

Писал я вам как-то об одном младенце, отправлявшемся на эмиссарство; уговорить его я не мог — и молодец отправился. В Одессе он делал все, что не нужно, на таможене объявил, что едет закупать черкешенок для одного паши, ходил в польский театр, знакомился со студентами. Полиция стала его следить, а как на паспорте его было имя Константин Яковлев, то она и поняла немедля в чем дело: она смекнула, что Яковлев непременно родственник Александра Ивановича, обошлась с ним в высшей степени вежливо, не обыскивая его, не трогая его бумаг, и выпроводила его обратно в Константинополь. Теперь он сидит здесь и думает снова пуститься в путь... Фамилия этого молодца — Заборовский⁴.

Начинают ходить слухи, которым я не совсем доверяю, а именно, что поповщина, живущая в юго-западных губерниях, сочувствует и помогает восстанию. Эту весть Заборовский слышал от одесской полиции, потом Витольд Чарторыйский получил письма с Волыни... Если это правда, стало быть Гончарова труды и масса листов, пущенных там в ход, взяли-таки свое.

...Писем ни мне, ни брату не удалось кончить порядком, Витольд пришел и задержал.

До следующей почты.

¹ И. И. Кельсиев приехал в Константинополь 2/14 июля 1863 г. См. приложение к письмам И. И. Кельсиева на стр. 253—258 настоящего тома.

² Повидимому, Кельсиев имеет в виду польского эмигранта полковника Теофила Лапинского (1827—1886), известного своей политической беспринципностью. Герцен писал о нем: «Лапинский был в полном смысле слова кондотьер. Твердых политических убеждений у него не было никаких. Он мог идти с „белыми“ и „красными“, с чистыми и грязными... Россию и все русское он ненавидел дико, безумно, несправимо» (XIV, 449. См. также В. К е л ь с и е в. Польские агенты в Царьграде. — «Русский вестник», 1869, № 6, стр. 544; «Исповедь», стр. 359 и сообщение В. Т р е н и н а «Полковник Лапинский и его мемуары» — «Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 539—571).

³ Сигизмунд Милковский (1824—1915) — видный деятель польского национально-освободительного движения, писатель-демократ, известный под псевдонимом «Теодор-Томаш Еж».

Об экспедиции Милковского из Тульчи в Польшу для поддержки восстания и доставки туда английского оружия, предназначавшегося ранее черкесам, Кельсиев рассказал впоследствии в статье «Польские агенты в Царьграде» («Русский вестник», 1869, № 9, стр. 299).

⁴ О первой попытке Константина Заборовского проникнуть в Россию см. в предыдущем письме Кельсиева; см. также примеч. 22 к письму № 2.

Тульча. 23 февраля 1864

Простите меня за мое долгое и неприличное молчание. Я знаю, как вы беспокоились и в чем вы сомневались, не получая от нас известий; знаю, что мы все виноваты пред вами, — выслушайте же мой отчет: брат и жена будут говорить сами за себя.

Вы знаете, что я делал в Константинополе до приезда жены ¹. Надежд было много, много было положено забот и усилий, но времена были плохие. Польское восстание гибло, а с ним гибли и все наши дела, гиб наш авторитет, гибло влияние, связи, уважение к нам, — мы, в глазах массы, становились или исключениями из свирепого рода москалей, или, что мне приходилось слышать чаще, — просто *blagueur**. Как у вас в Лондоне всякая чернь стала задирать нос перед вами, так и у нас, в Турции, всякие липованы, увидав, что мы сильны только на бумаге, тотчас постигли, что союз с нами не представляет существенных выгод, и стали сблизжаться с консулами. Политическое поражение повлекло за собою финансовое: что я вытерпел в Цареграде, до какого унижения приходилось доходить перед шляхтой польской и перед купечеством перотским ², рассказывать не буду. Я въехал в Цареград князем: одно известие, что я из Лондона, отворяло мне все двери — это было до польского восстания. Я выезжал сюда разбитым, подавленным, нищим, у которого хозяин квартиры заарестовал и часы, и белье, выезжал человеком падшим — я чуть-чуть не запил с горя перед отъездом, чуть-чуть не утопился в Босфоре. Типография, на которой основывались мои надежды, которой я жил и которая была мне формально обещана, не состоялась. Будь мы в силе, она уже давно бы существовала, но когда из князя я сделался грязью, тогда хорошие отношения с нашим правительством оказались несравненно выгоднее, и дело лопнуло. Что оно лопнуло, я узнал стороной, нечаянно: волос на голове у меня зашевелился — я начал пить. Я рассказываю вам историю своего падения во всей наготе, потому что я хочу, чтоб вы всё знали, потому, что, кроме вас, у меня на свете никого нет, за исключением брата и жены.

Потерянный, раздавленный, поруганный, я упал духом, но не совсем. Главное утешение было в вине, но голова моя все-таки работала и искала исхода. Я ясно видел, что свет клином сходитя, что я чужой не только Западу, но уже и самой России, что родина потеряна не на шутку и что жить в чайнии возврата, как жилось в Лондоне, нельзя более. Европа и западный человек вообще, начиная от француза и кончая каким-нибудь греком или булгаром, стали мне невыносимы: человека в сортуке я ненавижу. Я вида не выношу *homo à la franca***.

После отступничества Запада от Польши и отступничества нашей России от «Колокола» у меня разбились последние верования, последние упования. У меня было много иллюзий — теперь я чист: я стряхнул с себя ветхого Адама, но зато и надорвал свое сердце. — Надо было искать себе угла и искать себе куска хлеба. Я хлопотал себе место бухгалтера в лавке, добивался чести стать за прилавком в лавке у одного жида — меня не приняли: меня, друзья мои, всё и вся отталкивало. Я думал бежать — но куда? В Америку? В Австралию? На Сандвичевы острова? В Белград? В Черногорье? Но ведь мир мне чужой: где могу я вольно дышать и вольно и честно работать во имя наших заветных убеждений? Я думал проситься в Камчатку, но меня разлучат с братом да и пустят ли они меня в Камчатку?!

Но, как водится, случай и некоторая доля собственного старания выручили меня из беды и решили за меня все вопросы — теперь я на

* хвастунами (франц.).

** человека французского типа.

службе его величества Султана-Абдула, Азиса-Хана, теперь я законный ходатай перед правительством за всех здешних русских, почти их начальник и едва ли на следующей неделе не сделаюсь членом здешнего губернского правления. Я теперь власть и сила в здешнем краю, барин, хозяин, gentleman и получаю видимые знаки сочувствия и уважения липован в виде рыбки, сахару, серн и т. п., и т. п. Я нечто вроде начальника палаты государственных имуществ или палаты уделов. Я теперь не только хочу, но и могу пристроить здесь весь бедный люд нашей эмиграции. — Но к делу.

Случилось это довольно оригинально. Я просил Чайковского (Садык-пашу) похлопотать мне о каком-нибудь месте, но места не выходило, за неимением мною никакой специальности. Вдруг Порты потребовала от Садыка сведений, как и почему некрасовцы подали адрес Александру Николаевичу, просят у него возвратиться в Россию и ругают поляков³. Садык сообщил мне это обстоятельство и предложил мне ехать в Тульчу следователем. Я ухватился за это предложение — оно давало нам и хлеб, и возможность спасти виновных. Но, покуда комиссия наша наряжалась, мне удалось отменить ее. Я поставил вопрос так: от добра люди не уходят; ergo, если уходят, стало быть, им нехорошо в Турции — прикажите мне узнать их обиды. Виноватых же карать и преследовать нечего — и по науке известно, что преступление есть следствие, а не самостоятельный факт. Я же поселюсь в Тульче, сблизюсь с народом, узнаю его нужды, вам стану подавать рапорты, а там подам и проект организации всего русского населения. «Но ведь вам нужно жалованье?» — «Что пожалуете, всем буду доволен». — «Однако?» — «Ну хоть по 100 fr. в месяц». — «Отправляйтесь». — И я очутился в Тульче.

Но мне не удалось взять с собою письмо великого визиря, назначающее меня «начальником и защитником всех русских перед местными властями». Оно пришло сюда только на прошлой неделе. Пришлось изучать край и ладить с начальником его, как умею. Здесь есть обычай — средневековый, как и все здесь средневековое, — требовать к паше (губернатору) всех мало-мальски странных приезжих и допрашивать их, как и зачем они сюда приехали. Потасили и меня к допросу, но на счастье паша здешний, Рашид-паша, человек чрезвычайно порядочный и очень развитый; знакомы мы были с ним еще в Цареграде⁴. Передав ему цареградские новости о событиях в Порте и при дворе, о ходе польского вопроса, я приступил прямо к делу: прибегаю к гостеприимству правительства Высокой Порты — я бродяга, я потерял свое отечество, потому что крепко любил его, но я не сумел сделаться ренегатом собственных убеждений, проповедовать вырезку поляков etc., etc., и потому мне нет места в России — меня ждут там или тюрьма, или пули. Но я люблю русский народ, а край здешний почти чисто русский, нечто вроде Сибири, — я сюда приехал с твердым намерением купить здесь землю, поселиться здесь с семьей, а может быть и с некоторыми друзьями, которые сюда понаедут. Интерес мой — защищать выгоды этого края, я здешний гражданин. Русские здесь рошцут, что обижены они вашим правительством — позвольте мне быть их адвокатом. Для меня и для партии «Колокола», к которой я принадлежу, необходимо иметь на земле уголок, заселенный русскими, но не подвластный России. Будьте уверены, что мы не заплатим злом за ваше гостеприимство, что мы не вмешаемся в ваши распри с булгарами и т. п., что мы сделаем все возможное для привлечения сюда колонистов из России. Мы заведем здесь школы, больницы, типографии, может быть газету. Для пропаганды нашей теперь не время, но время это придет, и мы ею займемся, я вас предупреждаю, но мы займемся ею так, что не введем в неприязности ни вас лично, ни Высокую Порты. Я прошу у вас одного — позволения поселиться здесь и быть ходатаем за русских, за

это позвольте мне быть вам полезным. Чтобы вполне познакомить вас с направлением нашей партии, вот вам по экземпляру прокламаций, которые я уже целый год распространяю в вашем краю. — «Хорошо, живите у нас, только какой же вы подданный?» — «Покуда никакой, но я ...» — «А, никакой!» — «Но уж если я поселяюсь у вас, то думаю, что лучше всего и прямей всего признать себя подданным его величества султана; я знаю, что иностранцы вводят вас постоянно в хлопоты, а за гостеприимство я не хочу делать вам неприятности. Если натурализироваться правильно будет затруднительно, то позвольте мне самому позаняться этим — у меня мигом будут документы; я на это уже приобрел некоторый навык». — «Нет, нет; стоит только взять наш тешкерé (паспорт), и все кончено. Но как же вы приехали сюда? Не может быть, чтоб у вас вовсе не было паспорта?» — «У меня есть паспорт; извольте взглянуть, — но он почти фальшивый: я его достал еще будучи в Англии. Извольте». — «Ну, вы, однако, видали виды: и что, вас не поймали?» — «Никак нет. Так можно мне водворяться здесь и ходатайствовать по делам?» — «Можно, только шуму лишнего не делайте, а я очень, очень рад вашему приезду. Народ здесь русский, языка его я не знаю, дел их не понимаю. Приходят ко мне с толмачом, дела толком не объяснят, на словах — одно, на бумаге — другое; я путаюсь и при всем желании сделать добро для края — ничего не могу. Будьте вы посредником между мною и ими. В неделю вы узнаете об всем, что здесь творится, более меня. Помогайте мне, пожалуйста».

И вот, в трескучий мороз, без белья, без мебели, без посуды, сделался я ходатаем на конакé (конак — губернское правление и канцелярия генерал-губернатора). А тут жена захворала и выкинула — я исправлял по обыкновению должность бабки — а тут от грязи вши напали на нас. Скверно было. Лежали мы все четверо — я, жена, брат, Малушка^b — почти на голом полу, зуб на зуб не попадал от холоду — и, погоревавши о своих бедах, все-таки затягивали марсельезу и «Ça ira». Так-то началась новая жизнь и так-то заложено наше революционное консульство в Турции.

Утверждение мое пришло только на прошлой неделе; Гончар привез его и теперь славословит, что это он меня в люди вывел. Вчера я беседовал об этом с пашей, и вот что он мне сказал: «На-днях кончаются наши праздники (теперь у них рамазан: днем не едят, не курят, ночью море разливанное и ночью же присутственные места открыты), я очень рад вашему назначению. Мы сделаем вместе много добра русским, постараемся дать им прочную и елико возможно выгодную для них организацию. По этой бумаге вы Москов-баши — голова русских, их начальник, представитель, защитник, вы их атаман. Все их дела в ваших руках. Раздача им паспортов должна быть передана вам. Но только старайтесь быть в ладу с ними, чтобы не только правительство, но и сами они признали вас своим атаманом. А для этого по всем их делам ходите ко мне, и я сам, чтоб помочь вам, стану их посылать к вам. А потом мы объедем вместе их казачьи села. Вы же, как вы и сами желаете, обезьянajte их прежде меня и подайте мне подробное статистико-историческое описание каждого из них. Помогайте мне; я хочу сделать добро краю, давайте работать вместе — а я поддержу вас, в чем могу. Ведь я сам собирался писать в Порту, чтоб вам дали должность, но Гончар предупредил меня».

Зде кончается повесть о том, како сии зловредные и нечестивые фармазоны завелись и устроились в Тульче и како они чарами своими турок (сиречь агарян) околдовали. Аминь. От зде же начинается повесть о том, како сии фармазоны нечестивии оумыслиху и остальцев древляго благочестия, а равно и духовных христиан⁶ в веру свою совратити, како они лукавые, аки беси грешнику во аде, радуются и руками плещут, а Василий Иванов, старший, это значит даже и пляшет, бесем угрождая, егда они кого в свое лжеучение уловят. Описано все по-тõнку.

Отцы и братья, чтуще богомерзкую повесть сию, не хулите, но бога для чтите и исправляйте.

Когда мне в Цареграде Садык предложил ехать в Тульчу и жить там, все смущения мои о выборе угла на земле разлетелись, тогда я задумал устроить *жйло* для всех бедствующих порядочных людей нашей эмиграции. План этот, рассмотренный и апробованный и братом и женою, повергаю на ваше благоусмотрение.

ДОМ В ЛОНДОНЕ, ГДЕ ЖИЛ ГЕРЦЕН

Фотография, 1850-е гг.

На переднем плане Герцен в семейном кругу

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Мужики говорят, что та семья богата, в которой работников много. Стало быть, надо собираться в одну семью, все доходы в общую казну, все расходы общие: стол, дом, стирка белья и проч. — общие.

Так мы уже и устроились с братом, и в результате то, что у нас уже есть и самовар, и со свечи снимаем не пальцами, и постели есть — словом, живем *in a gentlemanlike manner** и можем хоть завтра же взять на свое иждивение еще человека. Если у вас в Лондоне есть эмигранты, порядочные люди, желающие честно жить и честно работать, пусть едут к нам, хоть и не поодиночке, а гуртом. Мы найдем всем занятие и приют. А там посмотрят—могут войти в наше *жйло*—ладно; нет — нет. А мы с братом заводим *фаланстеру* на весьма прочных основаниях: даже на-днях землю купим под эмиграцию. Жизнь здесь дешева, земля нипочем, на £ 5

* на джентльменский манер (англ.).

можно купить место чуть не в Charing-Cross⁷ величиною. Постройка здешняя, камыш, обмазанный глиной, стоит тоже немного. Дом, как ваш фуляемский⁸, можно выстроить много за £20. Цены вздорные. Воз лучших дров стоит не дороже 10 левов, а 1 лев (пиастр, турецкий грош)=2 д. Мясо стоит 3 лева за бѳку (бѳка=3 фунтам), и все так. Сторона здесь привольная, нетронутая, непочатый угол. Коли будет не в труд, узнайте у Суздальцева⁹, что стоят в Лондоне: 1) тряпки, 2) рога, 3) кости, 4) копыта, 5) щетина, 6) рыбий клей, 7) навоз коровий — ведь возят же гуано в Англию. Есть ли теперь издатели русских книг за границей? Куда бы мне сбыть описание некрасовцев?¹⁰ Здесь человеку, который хочет трудиться, можно легко зарабатывать кусок хлеба: пусть сюда едут под мое начальство.

При жиле мы думаем завести *детскую*, род воспитательного дома для сирот — и это уже начато. Кажется, я скоро *куплю* у одного пьяницы-вдовца трех мальчиков и одну девочку за ведро водки; и дети-то очень талантливые, мы их и выцивилизуем; а там еще найдутся, а там еще. Главное, только нужно усыновлять их законным порядком, чтобы после родители не имели права гнать их за плуг, женить и выдавать замуж.

Теперь насчет пропаганды. По всему, что я знаю, слышу и вижу, время для нее неподходящее. Надо пообождать, когда уймутся волнения страсти, когда очунет мать земля русская. До тех пор мы пропагандируем исподволь, приучаем дикарей к себе и к нашему образу мысли. Мы делаем все возможное, чтоб приласкать их и приучить к себе. Чаек попиваем с ними, — а самовар — отличное орудие пропаганды, — помогаем им, в чем можем. Докторов здесь нет — мы и лечим, беда только, что нет ни книг, ни руководств — ничего, ровно ничего. Христом-богом заклинаю Тхоржевского, ну далеко ли от него до Regent's Circus, где контора Messageries Impѳriales*; пусть он сбудет туда мои книги с надписью: à Monsieur Vassily Ivanoff Kelssyeff Moscoff-Bachi à Toultscha, Turquie Danube или, еще лучше, à Monsieur Joukovski, с передачей. Без книг мы здесь погибаем. И лично погибаем, и теряем влияние. Этих липован и молокан надо бить обухом по лбу — увидит, что книг много, — и почуствует и возблагодарует. Если можно, пришлите и вы что-нибудь к моим книгам, особенно по хирургии, медицине, политической экономии и по садоводству. Не достанете ли у кого цветочных семян? Кстати, думаем заняться здесь одомашнением кой-каких птиц. Сил у нас гибель и надежд много: пусть идут к нам товарищи — а воды светлые Дуная уже в руках теперь у вас!

За книги мои в Лондоне, разумеется, платить ничего не следует.

Трюбнер плачет. Успокойте его. До сих пор я все хожу с пилой да с молотком. Некогда было. Как только освобожусь — сейчас за грамматику. Да он же и в убытке не останется: я этим временем сделал чрезвычайно любопытные наблюдения о изменении губных, зубных и свистящих звуков в славянских наречиях, а за промедление мое все это внесу даром в рукопись.

Кстати. Трюбнер или кто другой не купит ли у меня приготовляемого мною теперь сборника песен и рапсодий ногайских татар? До сих пор ничего, кажется, не издано по этому языку, а моя коллекция будет единственная в мире — я собираю всю ногайскую литературу. Разумеется, что сборник будет с предисловием, с кратким сравнительным очерком грамматики, со словарем и с переводом песен на французский или на английский, — все равно. Что дадут мне песен за 100?¹¹

Еще. Где и что писано об устройстве детских в Англии? Как бы это познать всю механику дела?

* Имперская экспедиционная контора (франц.).

Но всего в одном письме не скажешь. Свертываю это и жду ответа от вас. Прежде всего напишите, где вы были и что вы делали во время наших бедствий. Как у вас теперь идет? Около вас кто? Кто изменил и кто верен делу остался? Кто жив и кто схвачен? Существует ли «Колокол»?

Ну, кланяйтесь всем нашим старым друзьям — Чернецкому, Тхоржевскому, Мейзенбуг. Скажите, что мы часто и часто их поминаем, что мы всё те же.

Александр Александрович где? Вот бы ему сюда изучать здешнюю фауну. Ведь край совершенно неизвестный. А хороший край, даже орлов много — я в фаланстере посажу одного на цепь: по крайней мере, хохлам и липованам дам тему для рассуждений: что они хотят эвтим изобразить и доказать?

Затем — до следующего письма.

В. Кельсиев

Р. S. Книги, ради бога, книги!..

¹ Варвара Тимофеевна *Кельсиева* с дочерью Малушей приехала из Лондона в Константинополь 29 августа 1863 г. (XVI, 466; ср. «Исповедь», стр. 370).

² *Пера* — торговый квартал Константинополя,

³ Текст адреса старообрядцев-некрасовцев, поданного царю от имени всех старообрядцев, живущих в разных странах, был сообщен Герцену и Огареву Гончаровым. Адрес, напечатанный в сочинениях Герцена (XVI, 466—468), не содержит никаких выпадов против поляков; наоборот, авторы его вымаливают там «прощение» полякам. Однако Кельсиев уверял Герцена, что текст адреса, отправленного Гончаровым Александру II, отличался от того текста, с которым Гончаров ознакомил Герцена. Герцен и Огарев, как видно из их критических замечаний, осуждали прошение старообрядцев за то, что написано оно с «самоуничижением», что в нем не хватает «резкого требования», которое заставило бы русское правительство посмотреть на старообрядцев «как на силу» и не свысока (XVII, 131—135).

⁴ О тульчинском «губернаторе» *Рашид-паше* Кельсиев подробнее сообщает в «Исповеди» (стр. 376—377).

⁵ *Малушка* (Мария) — дочь В. И. и В. Т. Кельсиевых; умерла в Галаце осенью 1865 г. в возрасте около пяти лет («Исповедь», стр. 397).

⁶ *Остальцы древлего благочестия* — старообрядцы; *духовными христианами* именовали себя сторонники разных так называемых рационалистических сект (из них в Тульче более всего было молокан).

⁷ *Charing-Cross* (Чаринг-Кросс) — площадь в Лондоне.

⁸ Дом, в котором жил Герцен и где его посещал В. И. Кельсиев, находился в Фульяме (Fulham) — предместье Лондона (см. «Исповедь», стр. 274).

⁹ Владимир *Суздальцев* жил в Лондоне вместе с братом, общался с Герценом и лицами, окружавшими Герцена. Содержал коммерческую контору (XVI, 149).

¹⁰ Специальное «описание некрасовцев», составленное Кельсиевым, в печати не появлялось, хотя некрасовцам Кельсиев посвятил многие страницы своих этнографических работ.

Некрасовцы — русские казаки, жившие в Турции (названы по имени булавинского атамана Игната Некрасова, бежавшего за границу с группой казаков в 1708 г. во время подавления восстания).

¹¹ Упомянутый Кельсиевым сборник песен издан не был.

Невеселую новость сообщу я вам на этот раз. Наши ряды то и дело редуют: кто изменяет нашей вере, кто идет в каторгу, кто в могилу. Одним из нас меньше на свете. Одного эмигранта уже нет — на прошлой неделе я похоронил своего брата. Он умер 9/21 июня, во вторник, около восхода солнца. Захворал он, как только я начал оправляться. Сначала все уставал, хандрил, дремал целый день, потом слег в постель, и начался жар

* Край письма оборван. В дате письма явная описка: «21».

и бред. Я пригласил того самого Dr. Morelli, который воскресил меня из мертвых; но Morelli, очевидно, не понял болезни — он лечил его одними паллятивами. Впрочем, к 9 июня брат начал поправляться и ночь провел так хорошо, что жена моя, сидевшая у его постели, будит меня на смену (а мы поочередно дежурили около его) словами: «Ивану Ивановичу очень хорошо, кажется следующую ночь не придется сидеть». Я встал не торопясь, написал чаю, так что с четверть часа брат оставался один в своей комнате. Жена легла спать и тотчас же заснула. Дело было на самой заре, чуть брезжило. Вхожу в его комнату и вижу, что он мечется по постели. Я поправил его одеяло и спокойно сел за книгу. Если б мне в эту минуту сказали, что ему грозит катастрофа, — я бы расхохотался: накануне ему было лучше, а жена мне сказала, что ночь он спал хорошо. Но беспокойное метанье становилось сильнее и сильнее — я начал сомневаться, бросил книгу и стал всматриваться. Страшное подозрение мелькнуло у меня в голове: я разбудил жену и служанку; служанку отправил за доктором, но было слишком рано, она не достучалась и вернулась ни с чем. Агония начала слабеть, глаза подкатились: оставалось кинуть кровь — я послал за цирульником, а сам прорезал вену перочинным ножом. Кровь не пошла. Цирульник явился — но было уже поздно — я не дал ему тревожить умирающего, у которого уже охолодели руки. Конвульсия кончилась; начался хрип. Слабей, слабей и совсем перестал. Я закрыл глаза покойнику. Тут пошли хлопоты об обмывании, могиле, о восковых свечах, о гробе и прочее, что, спасибо обряду, несколько отвлекает ум от мысли о страшном горе. Похороны были на другой день: к вечеру 9 июня труп уже испортился. Собрался небольшой кружок близких знакомых, поляков и мужиков-малороссов (липованам и молочанам нельзя ходить на чужие обряды), пришел протопоп Харитон и поп Илья, притащили кресты и хоругви — и, на высокой горе, откуда виден и Дунай, и Бессарабия, и маковки измаильских церквей, закопали первого эмигранта, сложившего свои кости на чужой земле.

И вот я один-одинехонек с своею семьей; а я так было привык иметь подле себя не только брата, но друга. Вы не знали его, а это был святой человек: ум, сердце, энергия — все было, и в двадцать три-то года свалиться и протухнуть! Это был поэт. Я ужасно жалею, что не заставил его записать своих стихотворений. Была у него вакхическая песня, полная страшного отчаяния. Как пел он, вовсе не владея голосом! И как тосковал он в этой Тульче, как рвался он к вам! Точно чувствовал, что не сдобровать ему в этой дикой стороне.

Блаженны верующие. Вы верите, что Россия скоро очнется от чумы. Я не стану спорить с вами, но во мне нет этой веры — я потерял Россию, я вижу Пруссию и Staatsphilosophie *. Свет клином сошелся для меня, дорогие друзья мои. Был еще якорь у меня, была еще сильная, хорошая привязанность, да и той нет, и та лопнула. Вы спрашиваете, не переменял ли я мнения? Я — тот же, но я не вижу возможности, чтоб дело не пошло по диагонали сил; а сила не на нашей стороне, а на стороне прусских начал: а Prussia, Russia—alles mir gleich **. Я всем чужой, и все мне чужое. Здесь есть европейцы, но все европейское мне чуждо. Куда я дену свою голову? Зачем я не издох в двадцать три года, как он, а он распорядился, может быть, и удачно.

«Jetzt wohin?***»—спрашиваю я себя, как Гейне¹,—и нет ответа, свет клином сошелся. Здесь у меня есть официальная деятельность — например, разобрать дело об изнасиловании, выручать людей из тюрьмы,

* государственную философию (нем.).

** Пруссия, Россия — мне все равно (нем.).

*** «Теперь куда?» (нем.).

мирить и судить всяких дураков, услаивать не поавшихся фальшивых монетчиков и конокрадов, наконец, спорить хоть о *perpetuum mobile* со всякими самоучками-механиками, но всего этого мало, все это тесно. Силы еще много, отваги и предприимчивости еще довольно, а тут я задыхаюсь в мелочах. Я задыхаюсь буквально, мне душно на свете, и я не вижу себе выхода. Ведь есть же, наконец, такие отчаянные вещи, как ученые экспедиции во внутренность Африки или Австралий, — но в экспедицию не попадешь. Куда, куда, дайте мне хоть намек — я голову теряю, с ума схожу от безвыходности. Будь я поляк или западный человек, я вмешался бы в какие-нибудь конспирации или повстанья, сделался бы или Орсини, или славянским агитатором, но я не уважаю достаточно западных вопросов, я не хочу дурачиться, а в русские дела я не верю. Я с ума схожу, дорогие друзья мои. Напишите мне хоть что-нибудь поскорей. Кроме вас двоих, у меня никого нет. Я всем этим людям чужой. Они моего горя не понимают. Вы одни поймете — дайте же мне братскую помощь. Одиночество душит меня.

В. К.

Хотите новость? — сейчас было легкое землетрясение.

¹ «*Jetzt wohin?*» — стихотворение Г. Гейне из цикла «Романсеро» (ч. 2 — «Ламентации»).

7

Тульча. $\frac{4}{16}$ июля 1864

Почти месяц, как он умер, а я все не опомнюсь. — тяжелая тоска давит, все противно, ничего не хочется делать да и делать-то нечего: весь народ разошелся на полевые работы, Тульча пуста. В школу поступил на его место, вожусь с ребятишками. Другую хату взял, с огромным садом. И сосед Гаврила Лебедь ¹ у меня хороший. Он протестант-методист, кожевник и святой действительно. От меня всё правды добивается насчет веры — а что я ему скажу? Благо верит человек, что у него в сердце сидит благодать, а у меня и той нету. К чему мне разбивать чужие сердца? и свое-то крепко болит. У него тоже сад, и какой сад, дикий, запущенный: виноград вьется по абрикосовым деревьям, маис растет чуть не выше меня.

Слова не с кем сказать, а я избалован был им. Слова и мысли спираются в душе, когда нет им исхода. Я сел писать. Пишу какую-то странную книгу; что выйдет? — не знаю. Покуда похоже на Апокалипсис и на «*Divina Comedia*», но в другом роде ². Таким адским хохотом все проникнуто, что самому становится подчас страшно, а есть также главы, которые писаны со слезами. Печатается ли теперь по-русски за границей? Я б хотел это напечатать — пусть их подавятся нашим горем, хоть раз пусть подумают о глупине своего падения, пусть, наконец, поймут, что они глупы, подлы, что вспомнить об них нельзя без отвращения. Но это будет странная книга — у здоровых, не разбитых людей такие образы в мозгу не зарождаются и такие выражения не приходят на язык. А не писать ее я не могу — я только ей и живу теперь. Бумага заменяет мне теперь его — если не с ней, с кем же мне разговаривать? В Петербурге я нашел или сам создал бы себе человека, а здесь и того нельзя.

Вы отчего не пишете мне? «Колокола» я совсем не вижу, а он бы был мне большим утешением. Я его не получаю с ноября ³; ни я, ни епископ Аркадий ⁴. Один поляк, Вейс, просит выслать ему «*Głos wolny*» ⁵; ответа нет, а он — человек хороший — на меня теперь обижается. А проpros, чтоб не забыть, где теперь откушник Рюмин? Мой сосед Лебедь — бывший его крестьянин.

Молокан один приехал сюда на-днях из Симбирска — обозревает он ихние церкви, очень умный и влиятельный человек. На-днях едет он в Петербург, хлопотать о свободе вероисповедания. Спрашивал у меня помощи и совета. Я, разумеется, не отказал — говорил ему, чтоб сошелся он с прочими согласиями. Но, увы нам, он думает только о внутреннем просвещении благодатию святого духа; остальное же все — прах и суета. Гончар руки ломает, что нас в Москве ругают. Но я плохо ему верю — тот адрес, который он подавал, был написан не так, как он вам его послал. У меня на это факты есть. Впрочем, мы с ним приятели и всё в любви объясняемся.

Жиды здешние хотят выбрать меня своим покровителем, хохлы хотят иметь меня своим представителем. На-днях, кажется, засяду от русских обществ заседателем при следственном приставе. Идут переговоры об назначении мне жалованья от общества. Бедный народ меня любит, богатые побаиваются и делают разные каверзы. Здесь есть пролетариат — бурлаки. Это всякие бездомные бродяги, которых страшно эксплуатирует купечество. При мне стало помирней — знают, что я правого отстою. Русские с русскими у турок теперь не судятся — не пускаю, сам сужу с стариками, дружески, за чаем или за стаканом здешнего вина, где-нибудь в шинке. Из тюрем много невинных повышускал. Губернатор у нас новый — Сабри-паша, а Рашид-паша теперь генерал-губернатором в Видине.

Живу с мужиками, с мужиками с утра до вечера. Приехали бы вы сюда хоть на месяц посмотреть мужиков. Нет, дорогие мои, это умный народ, но у него не то в голове, чего мы хотим. У них в уме желание, чтоб русский царь французу да поляку нос утер, плачут и ропщут, что телесного наказания у нас нет, что полиция ни во что не мешается, что политических шпионов нет, что власть слаба; толкуют, что надо начальству повиноваться. Скажите им что-нибудь: «Мы люди маленькие, мы ничего не сделаем, ты вот с купечеством потолкуй — коли они согласны будут, и мы не прочь». А какое презрение к бедным и к бурлакам! Одно, чем довольны они здесь, — это равенством, а равенство здесь полное, бурлак садится рядом с кем угодно, мужик садится у пашы, полковник пьет кофей с солдатом, лакей протягивает вам руку, понятия о барине нет — и то охают, что на них страху нет, — народ балуется. Довольны одним — это отсутствием поземельной собственности. Покуда ору землю — она моя; перестал орать — через три года приходи орать ее кто хочет — царская вся земля, как они говорят. Дворы, впрочем, собственность, а земля — нет. Веротерпимость полная, и этим все довольны, хотя старообрядцы-поповщинцы и поругиваются между собою крепко — раздорники с папешниками⁶ — и делают доносы и подвохи, но это оттого, что они разделились недавно очень. В России веротерпимость, царская земля и равенство весьма осуществимы, но как их добиться? Слова «бунт», «мятеж» им ненавистны. За мир стоять считают сумасшествием. Они смеются надо мной, что я за них хлопочу, и сами же плачут, что их обижают греки и болгары. Скверно все это. Пишите мне, друзья мои, и присылайте «Колокол».

Жму ваши руки.

В. К.

¹ Гавриил Васильевич *Лебедь* — уроженец Тамбовской губернии, бывший крепостной крестьянин, сектант. Он несколько раз менял вероисповедание. За рубежом, подпав под влияние миссионера епископального методистского согласия, Лебедь перешел в методизм и принял французское подданство («Исповедь», стр. 392).

² Вероятно об этих своих литературных работах писал Кельсиев своему товарищу, Д. В. Аверкиеву, в декабре 1864 г.: «Форма изложения у меня несколько мистическая — я рассказываю невероятные анекдоты об открытии жизненного элексира, о магии, о гномах, о жителях планеты Марса и т. п., но под этими аллегориями я ставлю вопросы о возможностях и о полезностях. Смешай воедино По, Гуливера, Герцена и Чернышевского и прибавь юмор Сервантеса и желчь Данта — и ты придешь

к некоторому понятию о слоге и о содержании моих произведений» («Русская старина», 1882, № 9, стр. 635). Кельсиев просил устроить это его сочинение, под псевдонимом, в какой-либо журнал, выходящий в России. Более всего ему хотелось поместить его в «Современник», к которому, как он пишет, у него были особые симпатии. Насколько известно, подобное сочинение Кельсиева в печати не появлялось.

³ В связи с этим сообщением Герцен писал Тхоржевскому 7 августа 1864 г.: «Кельсиев пишет, что „Колокол“ не приходит и письма тоже. Пошлите ему три последних № на Жуковского» (XVII, 318).

⁴ *Аркадий* («мирское» имя — Андрей Родионович Шапошников) — епископ Славский, видный представитель белокриницкой иерархии. Жил в Славском монастыре близ Тульчи. О нем и о своих связях с ним много говорит Кельсиев в «Исповеди» и в статье «Польские агенты в Царьграде» («Русский вестник», 1870, № 1, стр. 271—273 и др.). Одно время Аркадий поддерживал связи с русской революционной эмиграцией, руководствуясь узкими интересами укрепления старообрядческой церкви. По своим политическим взглядам Аркадий, как и вся верхушка белокриницкого старообрядчества, был крайне консервативен. Для того чтобы выслужиться перед царским правительством, перед которым Аркадий хлопотал о разрешении вернуться в Россию, он передавал сведения и документы революционной эмиграции русским дипломатическим представителям (XVII, 280—288). Умер Аркадий в 1868 г.

⁵ «*Głos wolny*» — газета, издававшаяся в Лондоне, орган демократических кругов польской эмиграции. Редактором «*Głos wolny*» был в 1863 — 1864 гг. известный польский революционер Антон Жабичский, о котором см. в примеч. 4 к письму 11.

⁶ Две спорящие стороны старообрядцев-поповцев дали друг другу обидные прозвища, которые за ними и закрепилась: «раздорники» — не признающие белокриницкой иерархии, «папешники» — признающие ее.

8

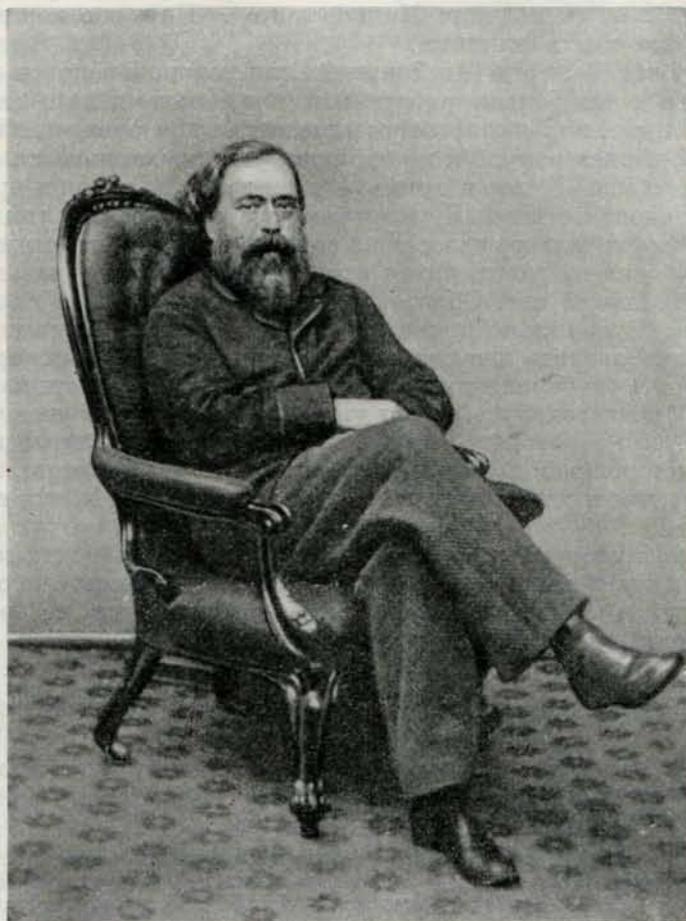
11
23 июля 1864
Тульча

Жена больна, и Малушка тоже больна. Не знаю, что из меня выдет, но нравственный переворот совершается. Я не горюю уже, слез нет — одна глухая злоба кипит. Мысль, что все непрочно, не дает мне покою. Все тленно и все разрушится — и дорогие мне люди, и заветные дела. Разума в природе нет, а сила у нее страшная. Если б мы могли переделать свой организм, так чтоб не болеть, не стареть и не мереть, был бы еще выход, но мы не знаем достаточно ни химии, ни физики, ни даже физиологии. Мы плывем по этому беспредельному в пространстве и времени Океану на плохо сколоченном плоту — волны срывают то того, то другого из нас, рухнет и плот наш. Что наша наука? наши страдания? наши истины? Они ведь не достанутся в наследство каким-нибудь жителям Марса или Меркурия — прахом пойдет наше наследство. Все это какая-то бессмысленная игра в кровь и в слезы — и смешно, и гадко, а главное — не нужно.

И вот на душе холод, на губах хохот. Блаженни верующие, и проклятье уму человеческому! Как отлученный какой бродишь по комнате. Кругом больные, да если б и не больные, то все-таки приговоренные к казни, все-таки не мой. И природа эта — все, все, что я вижу, и люди эти все, и я сам — не больше как призрак, как временное химическое и механическое скопление вечно изменяющегося вещества. — Что из меня выдет — не знаю, но перелом совершился, я чувствую, что я уже не тот и что моя молодость уже кончилась. Ни веры, ни упований, ни свежести душевной. Сначала я боялся с ума сойти, каждый нерв дрожал, и в глазах мутилось, но острая боль перешла в хроническое ледяное спокойствие, ум занялся беспощадным анализом всех верований и всех принципов, и все сводит к нулю. Дня не проходит, чтоб я чего-нибудь не казнил, становлюсь все свободней и свободней и, разумеется, все бедней и бедней. А одиночество мое здесь полнейшее, слова и мысли девать некуда — говорить мне не с кем. Спасибо судьбе еще, что грамоте знаю да досуга много. Как закипит это холодное отчаяние — сажусь и пишу.

Теперь, спасибо вам, повеселей стало. В.¹ приехал в понедельник 6/18 июля. Я ему очень рад. Он славный малый и чрезвычайно симпатичный,

но все-таки это не такой товарищ, как брат был. Знаете ли вы, как обидно, когда надо толковать каждый вздор, разводить каждое слово, иначе вас не поймут по недостатку сведений. С ним то и дело спотыкаешься в беседе — ничему не учился. Но все-таки мне крепко понравилась эта свежая коренастая натура, без ран, без сомнений, без фраз. Он мне напомнил Потембу², так и дышит верою — и все это так просто, без рисовки.

ОГАРЕВ

Фотография, конец 1860-х гг.
Исторический музей, Москва

Я, разумеется, не выдерживаю и исправляю уже при нем должность Мефистофеля, а зачем — и сам не знаю. Пусть бы себе веровал, все ж лучше и легче. С приезда своего он прежде всего занялся моим хозяйством, которое после всех этих болезней в страшном запущении — дотронуться ни до чего не хочется, — и распоряжается всем удивительно ловко и проворно. Крепкое спасибо вам за него.

Занятия ему еще не мог приискать. Первое — потому что языков не знает, второе — теперь весь почти город ушел на жнива и на рыбальство, никого решительно нет здесь, надо будет подождать несколько недель, пока соберется народ. В одном будьте покойны — такие люди с голоду не умирают. Это натуры деятельные, цельные, сложа руки сидеть не любят.

Насчет безопасности здесь нечего сомневаться, покуда турки — турки, до тех пор мы обеспечены Кучук-Кайнарджийским трактатом, по которому Россия и Турция выдают только разбойников, воров и фальшивых монетчиков, а сектантов и политических преступников, прибегших под высокую руку белого царя или под сень престола наместника аллахова, не выдают³.

Вот вам новость — у нас будет на днях русский консул, какой-то Кудрявцев. Когда приедет, напишу о нем подробнее. Консульство заводят здесь вследствие экспедиции Милковского⁴. На наше положение здесь это не может иметь влияния.

Какой у вас офицер в Швейцарии? Если хороший человек — прислали бы вы и его⁵: чем больше работников, тем больше дела и тем выгодней. В., кажется мне, по некоторым его намекам, человек денежный. Я советую ему присмотреться покуда к краю, а там уже предпринимать что-нибудь.

Привез он мне «Былое и думы» — я их давно не читал и прочел теперь с большим удовольствием. Я так отвык говорить с вами и так рад был послушать рассказ живого человека о его болях и скорбях, что слезы навертывались у меня на глаза, читая вашу книгу. Но какая же тоска в этой пустыне, где людей нет. Образованные люди, которых я видел с выезда из Парижа, были только поляки да разные европейцы; сами знаете, что это за народ. Говорить мне можно было только с братом, говорить вольно, не приискивая удобопонятных выражений. Не найдется ли какого-нибудь грамотея в наше захолустье? вот что нам нужно, нас за ученость так уважают здесь, что обращаются ко мне за справками по религиозным спорам и ждут с нетерпением приезда моих книг. Вы спрашиваете, получил ли я их? — нет; как и с каким пароходом вы их послали и как я их получу без накладной?

А гротос, Эберман был при смерти болен, а теперь почти совсем выздоровел. Какова ирония матери-природы! Каково уменье надругаться над всем святым и чистым! Юношидохнут — вброны лет по двести живут. Злость берет, тупая, бессильная злость.

Жму руки ваши. В. К.

Р. С. Гончар в Цареграде, и потому письмо к нему еще не передано⁶.

¹ Михаил Семенович *Васильев* — офицер, поручик пехотного полка. В 1863 г. он эмигрировал, не желая принимать участие в подавлении польского восстания. О нем Кельсиев писал в «Исповеди» (стр. 382—383) и в воспоминаниях «Пережитое и передуманное», где Васильев выведен под именем С. М. Мудрова.

² Андрей Афанасьевич *Потебня* — русский офицер, революционер, активный деятель общества «Земля и воля», один из инициаторов офицерской организации в Варшаве. В 1863 г. Потебня участвовал в борьбе на стороне восставших поляков и во второй половине марта был убит в сражении. О нем и о его отношениях с Герценом и Огаревым см. «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 538 и 557.

³ Указание В. Кельсиева неточно. По ст. 2 мирного договора России с Турцией, заключенного в Кучук-Кайнарджи в июле 1774 г. (Первое полное собрание законов, т. XIX, № 14164, стр. 957—967), выдаче подлежали люди, совершившие преступление на родине и укрывающиеся в пределах другой страны. Исключение делалось лишь для лиц, принявших в России православие, а в Турции — магометанство.

⁴ Об экспедиции Милковского см. письмо № 4 и примеч. 3 к нему.

⁵ Какой офицер имеется в виду, нам неизвестно; очевидно, о нем речь шла в несохранившемся письме Герцена и Огарева из Лондона.

⁶ Письмо Герцена и Огарева Гончарову от 4 июля 1864 г. (XVII, 280—282).

Крепкое вам спасибо за ваши письма: не оставляйте ими меня — кроме вас, у меня никого нет.

На этот раз пишу весьма коротко: вчера был занят процессами, ночь проспал, до почты остается часа два. Большое письмо к вам я начал, но

не успел кончить, вы получите его через неделю. Письмо это будет содержать его биографию ¹.

В.² малый хороший, но Мартьянов был несравненно учнее его. Самолюбие, т. е. оскорбленное самолюбие, вопиет у него больше, чем у Мартьянова, что весьма естественно. Я делаю, разумеется, все возможное, чтоб сойтись с ним, но он упрям. Вы сами знаете, как я и жена легки на знакомства, но на этот раз против нас идет вопиющее самолюбие, которое не прощает нам нашего знания, отчего, например, бывает гром и молонья. Он развивается *malgré lui* *, но развивается с болью. Надо дойти до того, чтоб он явно признал себя учеником хоть в языках, хоть в географии — и мы не теряем надежды. Мы ведем дело весьма мягко и весьма уступчиво, прощая все взрывы обидчивости, и думаем, что успеем. Но кто он? Он это скрывает, и от этого между нами и им стена. Русский он или поляк? по-моему — поляк. Я достаточно знаю по-польски, чтоб не подметить в его речи ошибок, которых русскому нет возможности сделать. Иногда даже подозрения закрадываются в голову. Воля ваша, но выводите меня из недоразумения. Как и через кого вы его знаете?

Отчего я «Колокола» не получаю? Как его Тхоржевский посылает? На Жуковского все доходит — отчего ж «Колокола» нет?

Книги, спасибо вам, получены.

Вчера прибыл сюда консул. Я с ним познакомлюсь — этого требуют местные условия, самое чувство самосохранения и желание иметь наши журналы. Паша расхохотался, когда я ему сказал, что мы, эмигранты, боимся консула. «Прежде чем вас арестовать, он должен отнестись ко мне, а я в Стамбул. Припомните, что на это нужно время, и припомните нашу ненависть к Москов(ии). Вы лучше вот что сделайте, если вы дорожите нашим гостеприимством, — наблюдайте, чтоб он не сманивал здешний народ на выход в Россию. Эмиграция здесь в абсолютной безопасности, будьте в этом уверены».

Где ваш женевский офицер? Где Гжицкий? ³ а здесь нет ни одного учителя музыки. Где остальные?

Пожалуйста, не забывайте письмами.

Крепко обнимаю вас. В. К.

Еще минута — еще несколько слов. Бывали ли вы в положении, что надо каждое слово обдумывать? Вы скажете: «Фрейшюц, Байрон, Шиллер, Чернышевский» — и вас спрашивают: кто это?

Помните, как-то, в начале нашего знакомства, вы спросили меня за обедом, читал ли я «Divina Comedia»? Я тогда, обидчивый, — седые волосы тогда еще не показывались, — отвечал вам оскорбленным голосом: «Разумеется, читал». Вопрос ваш я принял за личную обиду, за презрение ко мне. И вот теперь, в этой богоспасаемой Тульче, нет человека, который знает эти слова, нет человека, который знает, что такое Гегель, что такое психология, метафизика, патология, диафрагма, 1789 год, «Ça ira», студенческая история — надо толковать об азбуке, когда на душе и на уме чтение по верхам. Поляки здешние, французы и итальянцы кой-какие меня понимают, но между мною и ими — бездна, мне противен разговор с ними, как христианину противна беседа жидов, как протестанту противна беседа католиков.

И вот с утра до вечера я с человеком, который очень умен, но который меня и *моего* не в силах понять; вы велите быть ему отцом — я исполняю это елико возможно гуманно, но мне нужны не только ученики — учеников у меня и без него много, — мне нужен равный, иначе слово в груди спирается, мысли деваться некуда. А верст на 300 кругом живой души нет.

* против воли (франц.).

Мысль вянет, материалов ей нет, а ей нужно постоянное возбуждение. Пришлите сюда хоть одно развитое существо—иначе нам нет спасения: будет у нас кружок, тогда всякие В. легко разовьются, а то он станет всякое возражение наше принимать за личность.

Одиночество — такая вещь, что вынести ее нет возможности. Воля ваша, но я думаю науток отсюда, у меня силы нет, я тупею и пошлею. Мне начинает мерещиться Гейдельберг и Тюбинген — там, по крайней мере, наши студенты есть, и там слово мое исход найдет. А я сказал бы молодежи кое-что новое, недаром у меня седой волос показался; я кое-что пережил и кое о чем передумал.

Дайте мне человека, хоть на время, иначе я уйду отсюда. Я задыхаюсь.

В. К.

На полях рукой В. Т. Кельсиевой:

Дорогая Наталия Алексеевна ⁴, на этот раз пишу только несколько строк. В. И. торопится на почту. Лихорадка меня оставила, но слабость еще очень сильна. Малуша совершенно здорова. Пришлите, пожалуйста, ей карточки детей, если у вас есть; она каждый день толкует об них. Вербуйте к нам эмигрантов — зима приближается, а с ней и работа всем найдется.

Следующий раз напишу больше и все подробнее. Благодарю Н. А. ⁵ и m^{elle} Meysenbug, что помнят нас, мой искренний поклон. Руки еще как-то не ходят. Пишите, пожалуйста, пишите.

Ваша В. К.

¹ Очевидно, речь идет о биографии брата Василия Кельсиева — Ивана Ивановича. Просьба прислать ее содержалась, повидимому, в несохранившемся письме Герцена к В. И. Кельсиеву (о том, как Герцен относился к Ивану Кельсиеву, подробнее см. в настоящем томе, во введении к публикации писем И. И. Кельсиева Герцену и Огареву). С подобной же просьбой — прислать материалы для биографии И. И. Кельсиева — после его смерти обращался и Огарев к Е. В. Салиас; он писал, что жизнеописание молодого революционера должно быть составлено и опубликовано.

² Речь идет о *Васильеве*. См. примеч. 1 к предыдущему письму.

³ Евгений Казимирович *Гижицкий* — студент Московского университета, участник студенческого движения; весной 1862 г. он был сослан в Мензелинск и оттуда в мае 1863 г. бежал за границу. В конце 1863 г. и в начале 1864 г. Гижицкий находился в Швейцарии в самом бедственном положении. Позднее отошел от движения, возвратился в Россию и выступал в реакционной печати с клеветническими статьями о революционной эмиграции.

⁴ *Наталья Алексеевна* — Тучкова-Огарева, с которой Варвара Тимофеевна Кельсиева (жена В. И. Кельсиева) близко познакомилась в Лондоне.

⁵ *Н. А.* — Наталья Александровна, дочь Герцена.

10

$\frac{14}{28}$ октября (1865 г.) Галац

Вчера я получил ваше письмо от 17 октября *pourveau style* *¹, ergo ** переписываться через Австрию несравненно выгодней. Вы всё требуете от меня известий—мне тяжело писать вам, потому что, кроме последних скверностей, мне нечего вам сообщить. Молчать хотел бы я, но вы требуете правды — будьте же готовы выслушать страшную новость.

Finit est. ***

Занавес упал в передпрошлое воскресенье, в 12 часов пополудни. Драма выдержана до конца с полным сознанием. Ни слез, ни упреков на судьбу, ни молитвы. Это была титаническая натура, детского в ней не было. «Не плачь! не плачь!» говорила она, кладя мне руку на голову, а я стоял на коленях и рыдал, — вы знаете, что значит, когда мужчина рыдает.

* нового стиля (франц.).

** следовательно (лат.).

*** Все кончено (лат.).

— Не плачь! скажи мне, от чего я умираю? Чем я больна? Помнишь, ты обещал предупредить меня, когда еще мы были женихом и невестой...

— У тебя страшная чахотка, скоротечная чахотка. У тебя легкие сгнили, тебе дышать нечем. Еще час—полтора, и ты задохнешься. Я держу свое слово — слово, сказанное в юности нашей.

— Не плачь, не плачь, ничего — я умру на твоих руках.

Я сам задыхался от бешенства...

— В памяти ли ты? ты так дорожила своим сознанием, вся жизнь наша была жизнью мысли.

Она кивнула головой.

— Я хочу умереть в полном сознании...

ЛИПОВАНСКАЯ РЫБАЦКАЯ ДЕРЕВНЯ В ДОБРУДЖЕ

Фотография, 1910—1913 гг.

А уж руки и ноги были холодны. Лоб остывал, отвратительный холодный липкий пот выступал на лице, на шее и на груди.

— Дитя мое, дитя мое, еще не утратила ты сознания?

Она все кивала мне головой, мысль ясна была, насколько возможно у умирающей.

Кашель опять наступил: «Три спину — три, как при родах трешь...».

Когда кашель прошел, она замахала руками и указала на одеяло, которое лежало в ногах. Я понял. Я свернул его, положил ей за спину — она постоянно сидела. Я спросил подушку у сиделки, та меня не поняла и вместо подушки притащила ширмы — я скверно говорю по-молдавски, но за ширмы я ей был благодарен: нас другие больные не видали. Мы вдвоем остались. Она опять махнула рукой. Я сел подле нее; протянул руку, она легла мне на плечо — холодная, потная. Так прошло еще с полчаса.

— Дитя мое, в памяти ли ты?

— Не плачь.

Вдруг она откинулась, глаза уставились на окно, дыхание стеснилось. Вы знаете, как у умирающих гортань перекачивается и как останавливается последнее дыхание.

Вдруг голова свалилась на правое плечо. Глаза были попрежнему ясны. То же беззлобное лицо, то же выражение *résignée* * — неужели ж все кончено? Я тронул голову — рот разинулся.

Прошло еще не знаю сколько времени — сомнения не было. Я вышел из-за ширм².

«*A murit!*» ** — сказал я сиделке. — Она всплеснула руками и бросилась за фельдшером. Фельдшер, поляк, мой большой приятель, захлопотался: «Сейчас позову сторожа перетащить ее в мертвецкую...». — «Оставь — я это сам справлю», — и я взял труп на руки, перенес, раздел.

В понедельник утром сделали диссекцию. Оба легкие сгнили почти на треть сверху. Я и в гроб положил, я и на кладбище проводил. Там в ее могилу кого-то другого успели уж упрятать. Пришлось новую могилу копать. Могильщики пьяны. Наконец выкопали. Взял я гроб, поставил в могилу — могила коротка. Я вытащил — стали опять копать, опять я сыркнул — опять поставил гроб, опять тесно. Третий раз — опять и тесно и узко, а уж ночь, звезды на небе, заря горит, Дунай сверкает внизу. Четвертый раз спустил я ее в могилу — и все могила тесна. Я встал на гроб и протанцовал на нем какой-то каннибальский танец — гроб вошел в могилу. И пошел я, сирота, один-одинехонек в город, без горя, без радости, ничего не понимая, ничему не сочувствуя, всем чужой да и самому себе чужой. И таким я остался и остаюсь. Мне одного еще недостает для этого полного отрешения от мира — это оскотления, и я не знаю, следовать мне или не следовать совету и мольбам моих приятелей-скопцов. С жизнью у меня, очевидно, покончено — я вольная птица, отпетый человек, я из рода людского выэмигрировал. Диогена и Пахомия Великого³ я теперь понимаю как нельзя ясно. Для кого, для чего я живу? Во имя чего я живу? Меня ничто на свете не вяжет. Я как-то писал вам, что у меня *Mut verlogen* ***⁴, а теперь даже и этим не страдаю. Я одним страдаю — да и то не болезнь — я опустился, обрюзг, обленился. Мне лень уйти отсюда с панорамой, хоть на панораму у меня и хватило бы денег, и я, может быть, долго здесь еще просижу. Без энергии, в апатии — ничего не поделаешь. Даже и наука чужда как-то мне стала; разбираю стихомолку разные психологические вопросы, — здесь говорить даже не с кем: я одинок, как не знаю какой отшельник. Сердце влечет меня к вам; там, у вас, жизнь, мысль, литературная и умственная деятельность; там мог бы я публичные лекции кой о чем прочитывать; от вас до Парижа недалеко — до университета. Я завидую вам, что вы, счастливы, на Западе, но у меня нет энергии даже на то, чтоб заработать те несколько грошей, которые на дорогу нужны, а тем более нет силы духа пуститься наудалую, как я вам писал. Не то что в Женеву идти, мне до харчевни пообедать дойти лень. Насилу силы набрал вам написать, — не вините ж меня, что я молчу и молчать буду. Requiem мой пропет. Газеты высылайте по французской почте на Franz Sowinsk. Strada Portului, Galatz. Gasthaus. Здесь все читатели собираются. Только при первой посылке пришлите ему ваши кондиции *по-польски*.

Надпись на полях:

Адрес на доктора.

¹ Письмо Герцена и Огарева В. И. Кельсиеву от 17 октября 1865 г. см. в «Русской старине», 1889, № 1, стр. 186—187.

² 15 октября н. ст. 1865 г. жена В. И. Кельсиева, Варвара Тимофеевна, скончалась от туберкулеза. Смерть наступила через несколько недель после смерти дочери Кельсиевых — Малуши (Марии) в Галаце, где незадолго до того умер и их сын.

³ О тяжелых потерях, понесенных Кельсиевым, Герцен и Огарев отзывались в своих письмах с большим сочувствием. Смерть В. Т. Кельсиевой, к которой Герцен и его

* безропное (франц.).

** умерла (молдавск.).

*** мужество потеряно (нем.).

семья относились с большой симпатией, была отмечена Герценом некрологом в «Колоколе» — «Две кончины». «Безропотно, самоотверженно, кротко, без фраз вынесла эта твердая, превосходная женщина добровольную ссылку, страшную бедность и всевозможные лишения», — писал Герцен в некрологе (XVIII, 249). Ср. текст этого письма Кельсиева с текстом соответствующей главы «Былого и дум» (XIV, 411).

³ *Диоген из Синопа* (414—323 до н. э.) — древнегреческий философ кинической школы, представитель крайнего скептицизма. *Пахомий Великий* (ум. в 348 г.) — египтянин, деятель христианской церкви, автор древнейшего строго аскетического монастырского устава.

⁴ Из стихотворения Гёте «Gut verloren—etwas verloren».

11

Галац. $\frac{31 \text{ октября}}{11 (!) \text{ ноября}}$ 1865 * 1

Et tu quoque Brutus! ** — имею я полное право воскликнуть, даже, может быть, перевирая знаменитую фразу, по моему невежеству в латыни. Мало моей бедной голове, моему избитому сердцу, что здешняя сволочь. то места мне дает, то карьеру мне стряпает, то невест мне сватает, — но вот и вы, последние изо всего моего имущества, вы — люди с головой и с сердцем — вы тоже не выпускаете меня отсюда. Что вы мне указываете на то, что англичане, голландцы etc. пускают корни в землю? Руками и ногами отрещиваюсь я (да и вы тоже, *entre nous soit dit ****) от этой завидной способности осесть. Может быть, фибрин и церебрин еще и сыроваты у меня — *tant mieux pour moi ***** — значит, я вперед иду. Неужели же вы, подобно Мишле, находите прелесть в *homme baissé ******, в специалите! Что вы! Ваше ли письмо лежит передо мною? Спору нет, что там, где англичанин и братия сумели бы что-нибудь *сделать*, я ничего не сделаю, но, ради «С того берега» и всех «Nocturno», зачем *делать*? Почему деятельность обязательна? Почему надо быть жрецом чего-нибудь? Что мы за слуги, за дядьки этого рода человеческого, из которого мы выросли, как бабочка из гусеницы? Что мы за поляки, рабы *matki Polski ****** или, говоря вашим же языком, что мы за карриатиды будущего?

Отчего ж думаете вы, Николай Платонович, что *так* нельзя сдаваться ни перед тюрьмой, ни перед природой? Что ж я буду против рожна прати, истощать силы свои, чтоб повернуть историю, которая лезет и прет себе своим бессмысленным путем через пень в колоду. Но, скажете вы, *gutta cavat lapidem ******, — пожалуй, мне и удастся, тогда-то что ж? Что ж *мне*-то из того, что я страсбургский собор заложу?

Нет, родные мои, я бросаю свою кирку и заступ, снимаю передник, смываю с себя известку и ретируюсь — судите меня, как хотите, лгать ни перед собой, ни перед вами я не могу. Я работал, другие работали — дело не шло, то-есть шло по-своему. Везде являлись какие(-то) неожиданные, причудливые линии, камень оказывался то чересчур хрупок, то чересчур слоист, рабочие не ладили между собой, погода мешала... я бросил все, сел на камень и задумался о деле. Мысль — то же дело, та же работа; уменьье понимать — *argis magna ******. И вот я не зодчий больше, я публика при работах, я критик. И чем же мне быть, как не критиком, мне — адепту неудач, искусившемуся в потерях? Я жить хочу, чтоб мыслить и понимать: это мое *non plus ultra ******. Строить я не могу, потому что не имею

* В подлиннике описка: 1856.

** И ты, Брут! (лат.).

*** между нами говоря (франц.).

**** тем лучше для меня (франц.).

***** Здесь в смысле: «человеке ограниченном» (франц.).

***** матери Польши (польск.).

***** капля долбит камень (лат.).

***** высокое искусство (лат.).

***** Здесь: предельное желание (лат.).

на гривенник доверия к материалу. Я бы в сумасшествии подписку дал, если бы стал снова деятелем, — я, так близко — и на практике и наукой, изучивший этот народ. Он у меня и здесь перед глазами, в своих пестрядинных рубахах, с портами за голенищами, с бородами, до которых ножицы не касаются. Мало я с ним в Тульче возился? — и доверием пользовался, и уважение снискивал, — глазам моим все открыто, передо мной даже завесы скопчества раздвигались... Я ли не изучал его историю, его верованья, песни, сказки? Не добился ли я до того, что самозванца предсказал чуть ли еще не в Лондоне — а вы помните, что говорит Wisley о возможности исторических предсказаний, и вы знаете тоже, что народ не верит смерти наследника ².

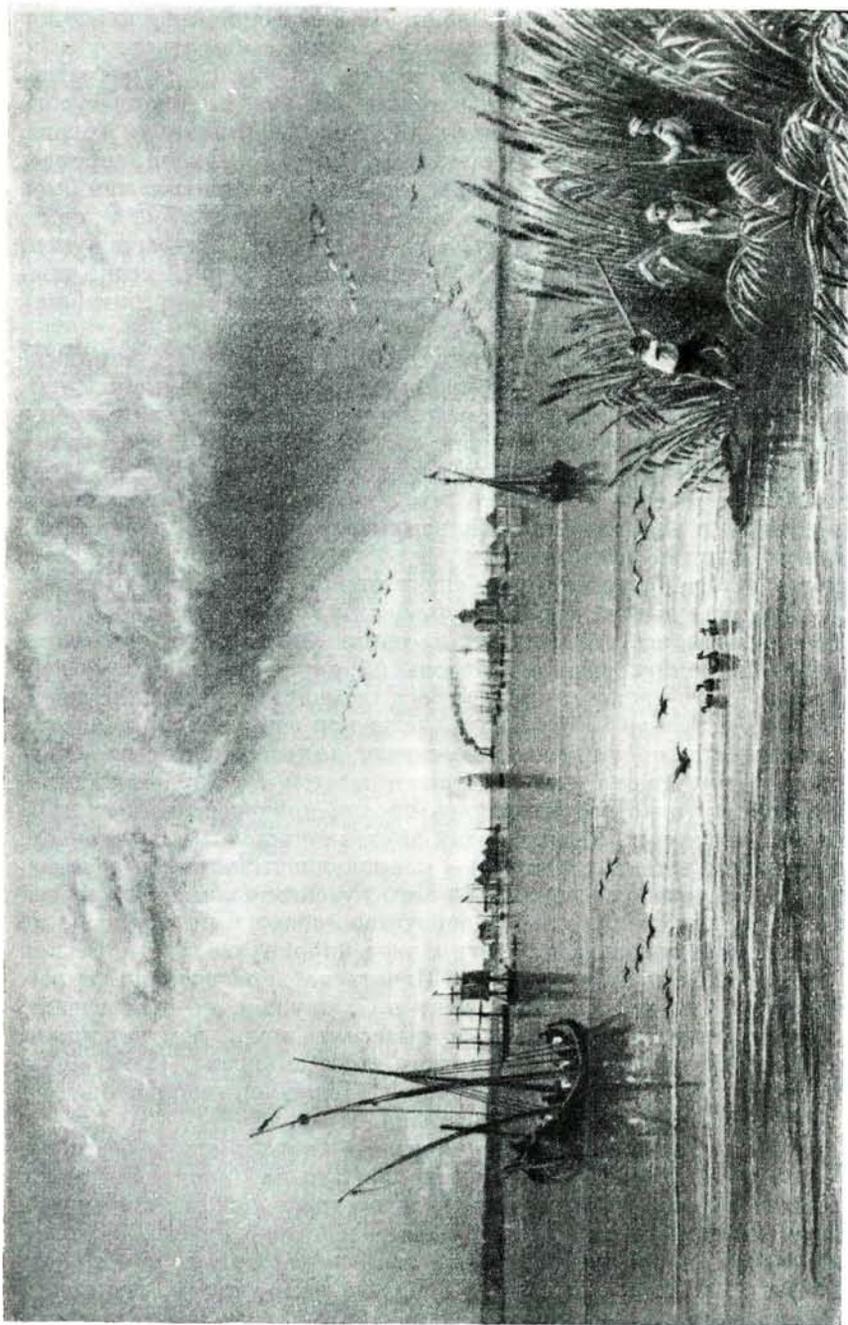
Истина обязательна, но еще более обязательно знание. Я вижу, куда воротит дело. Я вижу, как растет буржуазия, как идея о государстве, и без того крепкая и присущая этому народу, развивается и формулируется с неумолимым успехом. Я вижу, что монархизм день от дня крепче и крепче запускает корни в их головы — мне Пруссия видится в будущем — черты ее уже резко выделились в настоящем хаосе. А дальше — 100 против 1 кладу — дальше новый Магомет, Joe Smith, должен явиться и сочетать в своей личности идею царя и бога.

Вы скажете, что я ошибаюсь...

Я от души желал бы этого — но я знаю, а знание обязывает. И не даром досталось мне это знание — случилось в этой стороне даже жизнью рискованно, чтоб только повидать... Да, это совершенно особенный, самостоятельный народ, такой самостоятельный, как египтяне, как китайцы. Это не то, что какие-нибудь румыны или славяне, которых можно так легко переливать в французские или немецкие формы, это народ — особняк, материк. Он так же оригинален, как Австралия, и не может обходиться без кенгуру и утконосов. «Мы совсем особый народ, — говорят здешние мужики, — где ж им всем противу нас! Француз, точно, хитрый, а всё против нас не будет. Мы — другое, совсем другое...» А что это другое, они не могут себе высказать. «Русский человек правды ищет», — объяснил мне один липован, и объяснил чрезвычайно метко. Да, они правды ищут и ищут искренно, только по-своему. Чтоб дойти до нашей правды, надо наше знание, нужны годы чтения и мышления, а без этого фундамента — наша правда копейки не стоит. Есть у меня ученики, на которых я делал опыты, — лучше молчать, лучше таить истину, чем губить людей полужнанием. Знаете ли, что первое вводит здесь цивилизацию на Востоке? Костюм à la franca, биллиард, мошенничество, пьянство, игорные и публичные дома, — это факт.

Зачем я Тульчу бросил, спрашиваете вы. Да ведь брат помер, артель рухнула, ведь мне слова живого не с кем там сказать было. Жизнь Робинзона Крузо или миссионера не лишена своей прелести и даже весьма полезна, но все в меру. В уединении мысль формулируется, крепнет, приобретает оригинальность, но надо ж ее поверить. И вот все наковальни, по которым бьет мой молот, не выдерживают удара. Нужно силы померить — силы бродят, силы покоя не дают. Витязи выезжали во чисто поле переведаться с змеем Тугарином, с злым татаринном бусурманином — им исход нужен был; богатырю без богатыря не живется. На ком же я здесь проверю свои тьмы тем выводов, которые мне не дают покою? Мое чистое поле — Женева, Париж, Лондон, — и я отправляюсь. Я жду только полного возвращения энергии, которое, кажется, совершится очень скоро — я уже слышу в себе ее голос и на-днях покупаю тулуп, теплую шапку и двигаюсь. Что меня вяжет? Что меня останавливает? Разве упрек ваш в нестойкости, который в моих глазах похвала. Лучше свернуть знамя, чем биться, зная, что дело проиграно. *Soûte que soûte* *, но я не могу более вести этой

* Чего бы это ни стоило (франц.).

ДУНАЙ. СУЛТАНСКИЙ РУКАВ

Гравюра по рисунку В.-Г. Баргелета, 1847 г. Из книги William Beattie «Le Danube illustré».

«Запрещенные книги провозятся в Россию через дельту Дуная, там, где Дунай разветвляется на два рукава: один течет под Тульчей, другой под Измаилом и образует остров (...), с которого острейшие последние зимы вывозят камни, а вместе с тем перевозят иногда книги, которые заблаговременно доставляются тульчинскими эмигрантами» (Из секретного рапорта Тульчинского консула А. Серюкина к министру иностранных дел Н. К. Гурьеву, 1880 г.)

отшельнической жизни. Нужда грозит мне там... Может быть, но и здесь я живу не красно. Я так привык к жизни циника и так закалил свое здоровье, что меня ничто не берет, а если что и возьмет — то мне терять нечего. Надо ж где-нибудь сложить свою буйную голову, здесь ли, там ли, но все ж хотелось бы проверить свои выводы. Да и еще одно, не век же мне вековать здесь, рано или поздно придется ж отсюда выбираться, чего ж ждать? Пока я жив, пока ум светел и силы во всем развитии, ни ревматизмов, ни болей нет никаких — не лучше ль мне махнуть, не говоря худого слова, прямо вокруг света от нечего делать. Швейцарию, Францию, Англию и Америку я одними публичными лекциями отбеку. Языки, правда, я плохо знаю, но всё настолько, что поймут. А что мне делать и как быть в испанской Америке, в Индии, в Китае, в Японии, то дальше будет видно: довлеет бо дневи злоба его. Одна голова — не бедна: лег—свернулся, встал — встряхнулся, — что ни говори Тхоржевский, который вечно плачется на сиротство. А прогос — где он? Не у вас в Женеве? Мой нижайший поклон ему: *Jean qui rit à Jean qui pleure* *3.

Что вам дался этот Гончар? Его влияние на Москву равняется влиянию, скажем, Жабицкого ⁴ на Польшу. За границей теперь дел никаких нет. Все это *tempri passati* **, заднее число. Вы знаете, что наш друг Поликарп и К⁰ учинили там ⁵. Здесь одно толкуют: мы народ темный, как они там в Москве сделают, так и мы пойдем. Есть, разумеется, и оппозиция, но такая тьма непроходимая состоит в главе ее, что ничего с нею не поделаешь. Впрочем, пускай другой, способнейший, занимает мой пост — может быть, я ошибаюсь, но я подаю в отставку.

Место мое в Тульче было потеряно еще в прошлом году, и я горд тем, что меня лишили жалованья. Это были проделки Гончара и Садыка. Первый враждует на меня, зачем я вытащил из тюрьмы нескольких его врагов и зачем не допускал религиозных преследований, другой — зачем я не вербовал ему солдат и не пропагандировал его гетманства над Добруджей. Ни того, ни другого нельзя было сделать, даже при всем желании, потому что масса ненавидит их обоих до невозможности, до того, что недавно отказались даже от самоуправления из боязни плетей Гончара и Садыка, а прошлой зимой чуть не взбунтовались против нововведенных *conseils communaux* ***, считая их интригой этих двух личностей. Я остался без жалованья, но этим меня не выжили — я продолжал занимать свое место на конаке и все-таки был первым по всем русским делам. Жил я уроками и платою за ходатайство, за адвокатство; доход был скудный, но была, по крайней мере, надежда вступить снова в коронную службу. Весной этой, чуть ли не вследствие ходатайства Игнатьева⁶, последовало секретное предписание паше не допускать меня ни в службу, ни к заведению школ, ни к основанию типографии — и вытеснять меня, чем можно, из вмешательства в общественные дела, потому что я эмигрант. «*Vous devez être homme remarquable, — сказал мне паша в утешение, — comme on vous remarque*» ****. Что было делать? Остальное вы знаете.

Конец концов тот: какого ж рожна сидеть мне в этом болоте без цели, без нужды, без дела? Нищеты, что ли, мне бояться на Западе! Все ж уж если приходится зарезываться, то лучше ж вострым ножом, чем тупым, а здесь все до невозможности тупо. Одумываться мне нечего. Сегодня был первый мороз, через месяц санний путь установится, и я пойду. Ходят же люди с обозами — отчего ж и мне не попробовать, тем более, что мне необходимо нравственно даже переменить эти места, а то с ума сойду от воспоминаний.

* От Жана смеющегося—Жану плачущему (франц.).

** прошедшие времена (итал.).

*** коммунальных советов (франц.).

**** «Должно быть, вы человек замечательный, если вас замечают» (франц.).

Что до Жуковского—это безупречный человек⁷. Васильев в Тульче не знаю что делает, опять вакуу какую-нибудь. Насчет Каткова — заслуживает ли он возражения? Я объясняю себе эту статью желанием окончательно развязать меня со старообрядцами⁸.

Затем обнимаю вас.

Р. С. Через Австрию пишите: письмо вы отправили 30 октября, а сюда оно пришло 4 ноября — чего ж скорей?

¹ Это письмо Кельсиева является ответом на письмо к нему Герцена и Огарева от 29 октября 1865 г. (XVIII, 241—242).

² Кельсиев имеет в виду смерть старшего сына Александра II, цесаревича Николая Александровича, 12 апреля 1865 г., в Ницце.

³ «*Jean qui pleure et Jean qui rit*» — герои одноименной поэмы Вольтера.

⁴ Антон *Жабицкий* (ок. 1810—1871) — польский эмигрант, видный деятель демократического лагеря. После польского восстания в 1861—1864 гг. Жабицкий жил в Лондоне и редактировал газету демократического направления «*Głos wolny*». Дружески общался с Герценом. Впоследствии Жабицкий сделался членом Генерального совета I Интернационала. Исходя из своих антидемократических позиций, Кельсиев отрицал возможность идейного влияния революционеров-демократов на народ, чем и было вызвано его неправоильное замечание о Жабицком.

⁵ О старообрядческом деятеле Поликарпе Петровиче *Овчинникове* (Пафнутии Коломенском) см. примеч. 15 к письму № 2. В 1865 г. Овчинников и несколько других видных старообрядцев обратились в православие, на что предварительно испросили разрешения у московского митрополита Филарета. Именно это событие в старообрядческом мире имеет в виду Кельсиев.

⁶ В 1864 г. посланником России в Турции был назначен Н. П. Игнатьев.

⁷ Герцен в письме к Кельсиеву выражал сомнения в надежности Жуковского как посредника в их переписке (XXII, 139).

⁸ Кельсиев имеет в виду передовую статью в № 183 газеты Каткова «Московские ведомости» за 1865 г. об «Агенции Герцена в Тульче». Статья была наполнена грубыми измышлениями о деятельности братьев Кельсиевых в Тульче и о их связях с Герценом; там, в частности, утверждалось, будто оба брата — участники поджогов в России в 1865 г. Статья Каткова была одной из многих аналогичных статей, распространенных в реакционной печати того времени, но именно она задала тон полицейской травле и провокациям. Герцен откликнулся на эту кампанию рядом гневных статей, опровергая не только свое участие в поджогах, но и участие Кельсиевых (XVIII, 203—211 — здесь приведена почти вся статья Каткова; пропущенные места восполнены в комментарии Лемке — XVIII, 211, 236, 243 и др.). В комментируемом письме Кельсиев отвечает на предложение Герцена «ругнуть» Каткова. Хотя Кельсиев отказался выступить в печати с опровержением катковской клеветы, но его письмо дало основание Герцену в статье «Агентство в Тульче» (XVIII, 243) еще раз категорически отрицать участие Кельсиевых в «поджогах».

12

Galatz. $\frac{27}{15}$ декабря 1865

Письмо ваше от 15 декабря я получил вчера¹. Крепко благодарю вас за ваши строки — все легче вздохнулось, хоть я и не могу все-таки согласиться с вашим взглядом на жизнь. Как хотите, а одна мысль о вечности позади и вечности впереди, о бесконечности пространства кругом, о необходимости гибели земного шара, а с ним вместе и всей цивилизации, и всех вопросов, трудов, знаний — все мне дает право на отвращение и на философский квиетизм. Работать, разумеется, надо, потому что надо есть, но это не идеал, а необходимость — и необходимость прескверная. Я работаю, даже на днях делаюсь *administrateur et rédacteur responsable du «Journal de Galatz»*^{*2}, сверх того уроки даю, факторствую, но все это, подчиняясь горькой необходимости, просто, чтоб тянуть канитель жизни, так как больше делать нечего и так как средства не позволяют отдаться исключительно науке. Вы говорите, чтоб я писал, — у меня много написано,

* управляющим и ответственным редактором «Галацкой газеты». (франц.).

и я продолжаю писать. Готовое я вышлю на днях — если можно, напечатать где-нибудь: мне деньги дозарезу нужны, потому что во время всех этих бед я совершенно расстроился, так расстроился, что ваши 200 fr., за которые не знаю какое спасибо сказать вам, будут мне великою помощью. Передайте их здешнему банкиру Michel Abramovitz, который теперь в Женеве — Pension Flaegel, Rue Fatio, и вексель перешлите мне по старому адресу.

«Молокан» ваших³ вышлите *мне сюда* в числе 25 экз. Теперь зима, много сбыту не будет. «Колокол» вышлите в числе 10 экз. *мне*, а не Жуковскому, так как в Галаце сбыт невозможен по безграмотности и по бедности населения. Почему Жуковский не посылает мне «Колокол» — я не понимаю, *mais le fait est**, что я все лето его даже в глаза не видал.

С женщиной, о которой я писал вам, я покончил. В этой пустыне мне нужно было какое-нибудь существо, которое было бы ко мне привязано, которое ходило бы за мною — и теперь у меня пуговицы не оборваны и носовые платки в порядке... Вы в меня камнем не бросите за это.

Затем крепко обнимаю вас и всех ваших, — отчего только вы мне ничего об них не пишете?

Не оставляйте меня вашими письмами и поминайте меня, отпевшего себя заживо.

Весь ваш.

P. S. На векселе поставьте мое имя так: Vasili Ivanoff Kelssyeff.

На обороте 2-го листа: A monsieur monsieur Ogareff. Boissière. Genève. Suisse.

¹ Это письмо опубликовано с датой 13, а не 15 декабря (XVIII, 281).

² О начале своей работы в «Journal de Galatz» Кельсиев в позднейшей статье рассказал следующее: в Галаце он встретился с неким Биркенштейном, австрийским евреем, адвокатом, маклером, ростовщиком, литератором и агентом австрийского Министерства иностранных дел, который предложил Кельсиеву издавать этот журнал «с барышами пополам». Журнал должен был выходить на молдавском и французском языках и «содержать в себе преимущественно коммерческие, портовые сведения и, затем, разбирать вопросы местной политики» (В. К е л ь с и е в. Из быта польских эмигрантов. — «Всемирный труд», 1869, № 1, стр. 100).

³ Речь идет о книге: «Вероисповедание духовных христиан, обыкновенно называемых молоканами». Женева, Вольная русская типография, 1865. Автором ее был Николай Александрович Шерелев. В «Исповеди» В. Кельсиев дал резко отрицательный отзыв об этой книге. Просьба Кельсиева выслать ему двадцать пять экземпляров «Молокан» — ответ на предложение Герцена взять эту книгу для распространения.

Наконец-таки раскланялся я с этим Востоком по крайней мере на несколько лет. Вышло так, как я ждал: Перелет птиц, весенний ветер, почки на деревьях принесли мне обратно мою решимость—грязь и застой стали противны, я пошел в порт, добыл себе место на пароходе и покатил по Дунаю. Проезд мне ничего не стоил, есть действительно возможность путешествовать на шарамыжку... В другое время я, может быть, и посоветился бы ездить даром, но мне так душно было и так было страшно за свои умственные способности, что я ни перед чем не остановился. Я выехал, сам не зная куда, — без цели, без маршрута, рассчитывая, что везде лучше, чем в глуши, но по дороге мало-помалу составил себе проект остановиться в Вене на несколько месяцев для окончательного изучения славянских наречий и, главное, мифов. У меня ужасно много сделано по русской мифологии, и я хочу проверить свои открытия при помощи здешних

* но дело в том (франц.).

ученых — Миклошича¹ и т. п. Здесь же я кончу или, лучше сказать, переделаю свою грамматику, хотя она и готова к печати². Затем займусь санскритом, зендом и всякими тому подобными мертвечинами, повторю китайский и и... далее не знаю, что сделаю. Мне хочется и славянские земли объездить для окончательного уразумения этого замечательно не способного ни к чему племени, которое само собой ничего не могло и не может создать³; потом есть у меня проект смахать в Индию для изучения тамошних мифов и сект; потом есть еще разные пожелзновения, но все это потом: пока надо учиться и *coûte que coûte* * стать студентом в здешнем университете, о чем я завтра же и начинаю хлопотать. Удастся — хорошо, не удастся — буду заниматься не в аудитории, а подле ее, что,

ТУРЕЦКОЕ КАФЕ В РУЩУКЕ

Гравюра по рисунку В.-Г. Бартлетта, 1847 г.

Из книги William Beattie «Le Danube illustré»

в сущности, все равно: здесь не Восток, здесь есть библиотеки и есть ученые.

Теперь к вашей дружеской помощи прибегаю — вы мне столько раз помогали, не откажите и теперь. У меня связей никаких нет ни с Петербургом, ни с Москвой; все, что было, порвалось в эти четыре года на Востоке, а у меня единственное средство существования может быть корреспонденция в журналы — другим я заняться не могу ничем. Контора, перевод, служба — это тот же Галац; уж лучше ж веревку на шею, лучше прекратить существование личности, чем увечить ее. Я отказался наотрез от всех служебных предложений, даже очень и очень хороших, которые мне делались последнее время, я не хочу ни карьеры, ни даже обеспеченной будущности — вся моя забота идет о хлебе насущном, то-есть 100—150 fr. в месяц, а это мне может доставить любая газета, дав мне по фельетону

* любой ценой (франц.).

в неделю. Я не бог знает какой писатель, но все же не хуже и не глупее наших московских и петербургских фельетонистов и довольно имею запасу о чем писать. Этого я и ищу теперь, поищите и вы для меня; у вас бывают же всякие литераторы — если нужно, то я даже и статью на пробу пришлю⁴. Только от политических корреспонденций я вынужден буду отказаться — во мне в самом деле замер интерес ко всему преходящему и частному, только общие законы мира вообще и человеческого духа в особенности задевают меня за живое, поэтому я не могу, у меня мысль не шевелится, язык не ворочается, перо не подымается писать о Бисмарке и Шлезвиг-Гольштейне, о Венеции и о Мексике — я могу писать нечто вроде «Reisebilder»*, вроде «Sentimental Travel»**, только на свой лад.

Если б галактике мальчишки не употребили моих рукописей на свои надобности вообще и на змеи в особенности, я бы теперь же вам выслал кой-какие образчики моих произведений, а то у меня хорошего ничего не осталось; даже из романа моего вытащили середину; мое изложение системы старообрядчества пропало — а да ну их с Востоком!

Что это в Петербурге вышло? Вот история-то как поворачивает! Не знаю, как вы смотрите, а по-моему, Александр Николаевич будет бессмертен, как Петр III. У событий своя логика, а у русских, у этих европейских индейцев, и подавно своя. И надобно ж, чтоб мужик его спас⁵. Да, пари теперь будут земские — только лучше ли это будет парей дворянских? Великое время переживает этот народ, и как ни будь публикой — невольно вздрогнешь и задумаешься над его судьбами: он, действительно, заслуживает глубокого изучения.

Затем, дайте мне совет — писать мифологию по-русски или не по-русски? Хотелось бы по-русски, да как сбить — меня финансовый вопрос сильно задевает. А прогос, здешние газеты отметили меня *rentier!* — о, сарказм, Witz *** венский.

Пишите ко мне, и будет кто ехать сюда — посылайте ко мне: я ужасный охотник знакомиться и собирать вести, а мне об вас, об вашем житье-бытье, вот уже четыре года никто не рассказывал, а сами вы ничего не пишете. Адрес мой: Herr Wuletič, J. Hafner Steig, Innerstadt, für W. Iwanoff.

Затем до свиданья.

Василий Ж е л у д к о в ⁶

¹ Франц Миклошич (1813—1891) — филолог, славист, автор известной «Сравнительной грамматики славянских языков».

² Возможно, что речь идет о грамматике, которую Кельсиев начал составлять в 1862 г. в Лондоне по заказу Трюбнера (XIV, 411).

³ Клеветнический отзыв Кельсиева о славянах — результат его перехода на реакционные антидемократические позиции.

⁴ По поводу литературных работ Кельсиева и его просьбы о содействии для устройства его статей в петербургском журнале Герцен в своем ответном письме от 9 мая 1866 г. писал следующее: «Если вы, в самом деле, бросили дела мира сего и начали снова изучать китайскую азбуку, если это не натяжка, завидую вам. Вы понимаете, что при теперешних обстоятельствах о работе в петербургских журналах через нас и думать нечего. Напишите что-нибудь для «Колок(ола)». Мы вам заплатим фр. по 10 за колонну, или для предполагаемой «Поляр(ной) Звезды» (XVIII, 389).

⁵ Кельсиев имеет в виду покушение на жизнь Александра II, совершенное 4 апреля 1866 г. Д. В. Каракозовым. Рассуждения Кельсиева связаны с тем, что помешавший Каракозову О. И. Комиссаров являлся по своей сословной принадлежности крестьянином. Дворянско-монархическая пропаганда старалась представить Комиссарова как выразителя настроений всего крестьянства.

⁶ Один из псевдонимов Василия Ивановича Кельсиева, по девичьей фамилии его матери.

* «Путевых картин» (Гейне) (нем.).

** «Сентиментального путешествия» (Стерна) (англ.).

*** острота (нем.).

Вена $\frac{29}{17}$ июня 1866
Himmelfartgasse, № 19

Пророк сказал горе: ко мне иди — гора не пошла; пророк сказал: я сам пойду к ней.

Вы не пишете¹, ergo я пишу к вам. «Русский вестник» меня печатает² — я получил об этом отношении за № 555; за секретаря подписал какой-то Иванов — благоговейте перед порядком.

Увлечение мое продолжается, хотя я не перестаю сознавать, что глупо делаю, увлекаюсь; но все-таки эти славянские дела дают мне занятие, своего рода пьянство, если хотите, — я увлекаюсь, потому что кровь кипит, сердце бьется, и ум перед ними умолкает. Третьего дня мне стукнуло 31 год, — но седина в бороду, а бес в ребро — видно так на роду написано было.

Приготовительные работы по этнографии словаков почти кончены. Как получу деньги, так пускаюсь в путь, несмотря на войну. Объезжу Угорскую Русь и заберусь в Галицию, куда меня очень зовут для описания и для ознакомления с ними русской публики³.

Пишу теперь и в «Голос» и в «Петербургские ведомости», не мудрствуя лукаво — так, как хотят сами славяне и румыны. В «Голосе» я — И. Ж., в «Петербургских ведомостях» — Казакли, в «Русском вестнике» — Иванов-Желудков, в «Отечественных записках» — Приславлев⁴.

«Колокола» я не получал ни одного номера, а при теперешних обстоятельствах это даже и хорошо, потому что здесь из кожи вон лезут, чтоб устроить союз с Россией.

Кельсиев очень хорошо сделал, что умер⁵, — если б несчастный явился сюда, как он мечтал, его бы выдали; здесь все дышит преданностью Петербургу: если б один человек узнал об его пребывании здесь — он бы погиб. Царство небесное покойнику, и *de mortuis aut nihil, aut bene* *.

Катков пал в общественном мнении, и хотя «Московские ведомости» снова будут его⁶, но катковский период кончен, это я знаю *ex ipse fonte* **, хотя не хочу верить бумаге своих источников.

В предстоящем свидании государя с Наполеоном⁷ главной темой будет передача Польши по левую сторону Вислы Пруссии или Австрии, но петербургские симпатии клонятся более к передаче Пруссии, то есть к онемечению Польши. Если вы об этом сообщите кому следует, чтобы были готовы и подняли трезвон, то, по-моему, сделаете хорошо: Пруссия погубит несчастный народ, а Австрия, при всех ее недостатках, все-таки бессильна против национальностей. Я бы сам дал об этом знать в Париж, но не знаю, кто там теперь, и боюсь писать, чтоб не повредить делу. Восточная Галиция будет присоединена к России — в Петербурге это вопрос решенный, и он вполне совпадает с желаниями и стремлениями самих хохлов; стало быть, против этого ничего и сказать нельзя, я же в качестве корреспондента отечественных газет пишу про ***. Известия эти примите за совершенно верные; со временем я вам объясню, каким путем я их приобретаю, но теперь не время.

Пишите ко мне по прежнему адресу, но дайте свой толковый; я, как вы знаете, плох в иностранных языках, а тем более в орфографии ваших немецких имен и в французском названии улиц. Дайте мне понятный адрес, чтоб я не сбивался, а то жалко, если мои письма не будут доходить до вас. Ко мне пишите по прежнему.

Весь ваш

И. Ж.

* о мертвых или ничего или хорошо (лат.).

** из первоисточника (лат.).

*** за (лат.).

Р. С. Лихорадка снова трепала и очень сильно, но теперь отстала. Я попрежнему не лечился, предоставив все делу организма, который и действительно победил. Но исхудал я страшно — что называется, лица на мне нет. Ничего, снова отжирею. Как у вас идет, что здоровье Н. П.?

¹ Последнее из известных нам писем Герцена и Огарева В. И. Кельсиеву от 24 мая 1866 г. (XVIII, 405—406).

² В 1866 г. в «Русском вестнике» были опубликованы две статьи В. Кельсиева под псевдонимом В. Иванов-Желудков: «Русское село в Малой Азии» (в № 6) и «Словацкие села под Пресбургом» (в № 7).

³ В различных органах печати шестидесятых годов появлялось немало очерков Кельсиева, основанных на его наблюдениях, сделанных во время поездок по Галиции. Многие из этих очерков вошли в книгу: «Галичина и Молдавия. Путевые письма Василия Кельсиева». СПб., 1868.

⁴ В «Библиографическом списке литературных работ В. И. Кельсиева», составленном М. Клеганским («Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 262—264), статьи Кельсиева, помещенные в «Петербургских ведомостях», в том числе под псевдонимом Казакли, не зарегистрированы; не числятся также и статьи в «Отечественных записках», под псевдонимом Приславлев.

⁵ Кельсиев с конспиративной целью говорит здесь о себе как об умершем, предполагая, что письмо его может быть перлюстрировано австрийской полицией.

⁶ В «Московских ведомостях» появилась статья, в которой автор задел некоторые правительственные органы. Это вызвало «предупреждение» со стороны Министерства внутренних дел. Катков не согласился со сделанным ему замечанием и отказался напечатать «предупреждение» в своей газете, заявив, что отказывается дальше выпускать «Московские ведомости». В июне 1866 г. состоялась встреча Каткова с Александром II; царь одобрил его издательскую деятельность, но вместе с тем указал на необходимость более гибкой трактовки некоторых политических вопросов. Вскоре после этого разговора «Московские ведомости» вновь стали выходить под редакцией Каткова.

⁷ Свидание Александра II с Наполеоном III произошло в Париже в мае 1867 г., куда царь вместе с Горчаковым приехали по приглашению французского правительства на открытие Всемирной выставки. Свидание сопровождалось переговорами по международным вопросам.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

ПИСЬМА ФИЛАРЕТА ЗАХАРОВИЧА к В. И. КЕЛЬСИЕВУ и Н. П. ОГАРЕВУ (?)

Публикуемые по подлинникам «пражской коллекции» два письма архиерея старообрядческого Белокриницкого монастыря Филарета *Захаровича* (ум. в 1901 г.) относятся к тому времени, когда Филарет Захарович состоял в числе руководителей старообрядческой, так называемой белокриницкой, иерархии. Живя в Белокриницком монастыре, он исполнял должность секретаря-письмоводителя при малограмотном митрополите Кирилле и фактически самостоятельно вел все основные дела митрополии. Филарет Захарович несколько раз приезжал в Москву, где безуспешно вел борьбу со старообрядческими епископами, выходившими из подчинения заграничному центру старообрядчества.

Учитывая влиятельное положение Филарета Захаровича в старообрядческой митрополии и его, сравнительно с другими главарями старообрядчества, большую просвещенность, русские эмигранты именно через него рассчитывали установить связь с заграничным центром белокриницкой иерархии. Сначала к нему обращался П. В. Долгоруков, затем В. И. Кельсиев, а по отъезде последнего в Турцию завязавшуюся кратковременную переписку поддерживали с ним Герцен и Огарев.

Вместе с группой видных старообрядческих деятелей Захарович в июне 1865 г. перешел в господствующее вероисповедание и стал усердным гонителем всех противников казенной церкви. Но еще до своего открытого перехода в официальную церковь Захарович секретно сотрудничал с ее агентами, в частности — с Н. И. Субботиным, ярким реакционером, будущим сподвижником Победоносцева, автором многочисленных «обличительных» по отношению к старообрядчеству работ, содержащих клеветнические вымыслы о сношениях «партии Герцена» с зарубежными старообрядцами. Разу-

меется, революционные эмигранты, ведя переписку с Филаретом Захаровичем, не знали о его действительных настроениях и тайной осведомительской деятельности.

Оба публикуемых ниже письма Захаровича не имеют обращений; имена адресатов могут быть восстановлены лишь по содержанию. Первое письмо — от 28/16 августа 1862 г. — пришло в Лондон в то время, когда В. И. Кельсиев выехал уже отсюда в Константинополь, и потому оно попало к Герцену. Поскольку в письме сообщалось о посылке Филарету какой-то литературы, Герцен запросил об этом оставшуюся на некоторое время в Лондоне жену В. И. Кельсиева, Варвару Тимофеевну. Содержание ее ответа Герцен зафиксировал на листе письма Филарета. Эта его пометка, видимо, предназначалась для Огарева, который обычно, в качестве главного редактора «Общего веча», вел дела со старообрядцами. Второе письмо — от 7/19 октября, — вероятно, адресовано Огареву, хотя не исключена возможность и того, что оно предназначалось Герцену.

История сношений русских эмигрантов с Филаретом Захаровичем на основании печатных сведений, исходивших из реакционного лагеря, коротко изложена М. К. Лемке (XVI, 468—471). Теперь мы можем внести соответствующие исправления в эти сведения, в частности — в даты писем, поскольку у Лемке они даны неправильно.

Письма печатаются по автографам «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 218).

1

В. И. КЕЛЬСИЕВУ

Белокриница. 28/16 августа 1862

Милостивый государь!

Письмо ваше от 15/3 июля¹ имел счастье получить с великим удовольствием, и весьма мне приятно войти с вами в сношения, но, к сожалению, прописанные в вашем письме листки не дошли до меня, потому не могу знать ваше намерение и соответствовать вашему желанию столь долго, пока не воспользуюсь славным вашим изданием, почему прошу удостоить меня присланием оно.

Наслышан я, что отпечатаны в Лондоне на русском языке: «Стоглавый собор»², бывший в Москве при царе Иоанне Грозном, и сочинение Мельникова «О русском расколе»³. Если это верно, то усердно прошу вас при посылании мне вышеупомянутых листков выслать также из помнятых книг по одному экземпляру с прописанием надлежащей цены обоих.

Я с получением оных тотчас вышлю вам деньги с благодарностию.

Примите, милостивый государь, уверение в моем искреннем уважении и совершенной преданности.

Филарет Захарович

Мой адрес: Philaret Zacharowicz. Metropolitän Sekretär zu Fontina alba Austria Sereth Bucowina.

Помета Герцена:

Если те листы не пришли, то как послать книги? Вар. Тимоф. пишет, что Вас. Ив. обещал ему «Раск.»⁴, но забыл послать. А послал «Вече» и «Кол.». Как прикажете?

¹ Письмо, на которое отвечает Филарет Захарович, нам неизвестно.

² «Стоглав. Собор, бывший в Москве при великом государе царе и великом князе Иване Васильевиче (в лето 7059)». Лондон, Вольная русская типография. 1860. С предисловием Агапия Гончаренко.

³ «Записка о русском расколе, составленная Мельниковым для в. к. Константина Николаевича по поручению Ланского (1857)», напечатана в «Сборнике правительственных сведений о раскольниках, составленном В. Кельсиевым», вып. 1. Лондон, 1860, стр. 167—198.

⁴ Сборник правительственных сведений о раскольниках (см. предыдущее примечание).

ОГАРЕВУ (?)

7/19 октября 1862

Милостивый государь!

Первые листки, посланные мне г. Кельсиевым, задержаны были в гор. Черновицах в почтамте. Куверт правительством открыт, и даны были листки в цензуру на рассмотрение, которая признала их за вредные и по законам запрещенные, в силу сего областной председатель предписал уездному начальнику учинить тайное исследование и допросить меня, по какому случаю получаю я те листки? Вследствие такового предписания 14 сентября является ко мне уездный начальник с обыском, но, разумеется, нужных ему листов более у меня не нашел, потому что я их еще не получал; вместо того он забрал присланные мне князем Долгоруковым номера журналов «Будущность» и «Правдивый» и один экземпляр «Правды о России»¹. Это все отослал он в Черновицы, а мне назначил впредь не решаться иметь с вами переписку, в противном же случае подвергнуть законному наказанию, как подозренный в политическом отношении. По сей причине, хотя не могу более писать к вам прямо отсюда, но, во избежание прекращения иметь с вами сношения, посылаю это письмо посредством находящегося в * моего знакомого, — потому, если это письмо получите, тогда, без сомнения, можете прислать мне как листки, равно и желаемые мною книги чрез того же знакомого, только посылка должна быть снабжена двумя кувертами: на первом мой адрес, а на другом нижезначенный моих знакомых. Письмо ваше от 27/15 сентября² только было показано мне в присутственном месте, а не вручено, но я успел просмотреть и заметить ваш адрес.

Примите уверение в искреннем моем к вам уважении.

Архидиакон Филарет Захарович

Адрес на знакомых моих: Sr Wohlgeboren dem Herrn August v. Wladár in Wien, Seilerstätte, № 801 et 802.

Или: Sr Wohlgeboren dem Herrn Georgi v. Andrejew etc. Cilli. Steiermark.

¹ Журналы П. В. Долгорукова «Будущность» и «Правдивый» издавались в начале 1860-х гг. в Париже. Книга «Правда о России, высказанная князем Петром Долгоруковым», вышла в 1860 г. на французском, а в 1861 г. — на русском языке.

² Письмо, упоминаемое Филаретом Захаровичем, до нас не дошло.